

ГРАН-ПРИ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ ПРЕМИИ ЖУРНАЛА ELLE

Якуб Шамалек

Выбор за тобой

роман

CoRpus

Иногда лучше не знать,
кто управляет твоей жизнью

18+

Якуб Шамалек

Выбор за тобой

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.162.1-312.4
ББК 84(4Пол)-44

Шамалек Я.

Выбор за тобой / Я. Шамалек — «Издательство АСТ», 2019

ISBN 978-5-17-145018-2

На одной из варшавских улиц произошла авария: погиб актер Рышард Бучек, ведущий популярной детской программы. Все указывает на то, что он потерял контроль над автомобилем. Однако у начинающей журналистки Юлиты Вуйчицкой возникает подозрение, что кто-то помог телезвезде покинуть этот мир. Юлита получает анонимную угрозу держаться подальше от этой истории, но решает ее проигнорировать... Ее жизнь летит под откос, но это лишь укрепляет девушку в решимости узнать правду. Чем дальше журналистка продвигается в своем расследовании, тем больше шокирующих фактов она узнает не только о Бучеке, но и о том, как устроен интернет и как можно сломать жизнь любому из нас с помощью одной вредоносной программы. Детективный триллер Якуба Шамалека держит читателя в напряжении до последней страницы, а кроме того, заставляет всерьез задуматься о проблеме информационной безопасности. Используется нецензурная брань. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 821.162.1-312.4

ББК 84(4Пол)-44

ISBN 978-5-17-145018-2

© Шамалек Я., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Предисловие	6
1	7
2	22
3	36
4	49
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Якуб Шамалек

Выбор за тобой

Моей большой сестренке Агнешке

Jakub Szamałek
Cokolwiek wybierzesz

© by Jakub Szamałek, 2019

© by Grupa Wydawnicza Foksal, 2019

© М. Алексеева, перевод на русский язык 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Издательство CORPUS®

Предисловие

Это не научно-фантастический роман.

1

Ну и времена пошли, подумал Чеслав Комар, глядя в зеркало заднего вида своего старенького “мерседеса”. Раньше с пассажирами хоть поболтать можно было. Порой о серьезных вещах, порой – что уж греха таить – о всякой ерунде, но какое-никакое человеческое общение, какая-никакая связь. А теперь все только пялятся в свои телефоны, как будто его тут вообще нет, а такси едет само. Этот вот даже слова не сказал, мол, много чести. Сидит себе и тычет в телефон, скоро дыру в нем протрет, а вид такой, будто неделю не спал. Нет, не удержусь.

– И что ж у вас там такого интересного в телефоне?

Пассажир молчал. Глухой, что ли? А может, иностранец? Такая мысль в голову не пришла, а ведь тип выглядит и правда странновато.

– Скажем, музыку слушаю, – ответил наконец мужчина, не отрывая взгляда от экрана. – Помедленнее, пожалуйста.

Музыку? Удивился Чеслав Комар, слегка нажимая на тормоз. А почему же тогда ничего не слышно? И наушников нет. В голове, что ли, у него музыка играет? Он что, провода себе туда засунул? Но больше Комар вопросов не задавал. Было в голосе мужчины нечто, от чего желание вести с ним беседы пропадало.

Леон Новинский чувствовал, что соус хот-дога протекает на дно бумажного пакета. Еще чуть-чуть – и соус потечет на манжету отутюженной рубашки. Леон с трудом запихнул остатки хот-дога в рот, бросил липкий от горчицы пакет на пол и вытер руку о пассажирское кресло. “Больше никогда, – мысленно пообещал он себе, глотая тошнотворное месиво, – никогда не буду откладывать будильник”.

– Привет, привет, Варшава! – раздался веселый голос из радиоприемника. – Как вы там? Уже на работе? Надеюсь, что да, потому что машин на дорогах прибывает. На улице Марса и Пулавской уже пробки, там вы потеряете минимум пятнадцать минут. Снять ногу с газа придется и на аллее Примаса Тысячелетия¹...

Услышав знакомое название, Леон машинально взглянул, что творится на другой стороне дороги. На аллее и правда уже образовалась пробка. Сотни автомобилей, точно гигантский ледник, ползли в сторону центра, неистово сигналив машина, вливающимся в поток из боковых улочек.

К счастью, Леон ехал в противоположном направлении, в сторону районов Таргувек и Жерань. Там высились многоэтажки с фасадами невнятных цветов, а ветшающие фабрики оккупировали различные конторы, названия которых непременно оканчивались на “екс” или “пол”. Леон работал в одной из них, фирме под названием *DietPol*. И если верить навигатору, он будет на месте в 07:59. То есть примчится на собрание весь в мыле, зато вовремя.

Леон “пришпорил” свою верную “шкоду” (1996 года выпуска, канареечно-желтого цвета, ароматизатор-елочка на зеркале) и въехал на трассу S8. Парусили брезентовые кузова грузовиков, из-за серых шумозащитных экранов торчали кресты и скорбные ангелы военного кладбища, по надземному переходу катили велосипедисты в светоотражающих куртках. Леон быстро перестроился в левый ряд. Спидометр показывал сто десять, а через секунду сто двадцать километров в час – превышение тридцать километров.

Леон тихо выругался. Он терпеть не мог нарушать правила. Ладно еще, если есть серьезная причина. Будь сегодняшняя встреча важной – куда ни шло. Но ведь *DietPol* – не боль-

¹ “Примасом тысячелетия” в Польше называют кардинала Стефана Вышинского (1901–1981). Благодаря ему в 1966 году в коммунистической Польской Народной Республике широко отмечалось Тысячелетие крещения Польши. – *Здесь и далее примечания переводчика.*

ница, где проводят пересадку сердца, и даже не юридическая фирма, где адвокаты продумывают линию защиты невинного клиента. Нет, *DietPol* был производителем низкокалорийных закусок и напитков, а темой дня была новая этикетка для сока из квашеной капусты, над которой трудился Леон. Последняя версия этикетки начальству не понравилась. “Какая-то никакая, – поморщился Михал, занимающий должность с громким названием продакт-менеджер, – нам нужно что-то посовременнее, помолодежнее”. Молодежный сок из квашеной капусты – Леон скривился от одного только воспоминания. Вот уж действительно, загнивающая западная цивилизация.

Желтая “школа” въехала на мост Грота-Ровецкого. Леон взглянул в сторону центра: небоскребы, окружавшие Дворец культуры, были едва различимы. Смог над городом с каждым днем сгущался и предвещал приближение осени неумолимее, чем краснеющие листья.

Леон повернул на съезд на Ягеллонскую улицу – и вдруг подпрыгнул в кресле, услышав сзади громкое, настойчивое бибикание. Прямо за ним ехал дорожный джип: черное матовое покрытие, именной номер WO MINDAL. Снова загудел клаксон, моргнул дальний свет – международный сигнал для “прочь с дороги” и “я придурок”.

– Ты что, не видишь, что рядом автобус, кретин! – заорал Леон, щурясь от яркого света. – Куда мне съезжать, а?!

Сзади бешено сигналили и моргали. Вообще-то Леон был мужчина вежливый и воспитанный: даже в спешке придерживал двери незнакомым людям, жертвовал деньги на благотворительность, покупал яйца только от кур свободного выгула. Но на сей раз он не сдержался.

– В жопу меня поцелуй, мудила! – крикнул он, а затем открыл окно и выставил средний палец. В зеркале было видно, как водитель джипа, мужик лет пятидесяти, в модном свитшоте с асимметричным верхом, орет и долбит кулаком по приборной доске. Леон довольно улыбнулся. Да хоть оборись ты, придурок.

Джип взревел, ускорился и опасно приблизился к “шкоде”, едва не коснувшись ее бампера. Леон вжал педаль газа в пол, но куда было его машинке соревноваться с черным монстром, мчавшимся со скоростью двести километров в час.

– Черт... – охнул Леон. – Он же в меня врежется!

К счастью, водитель автобуса на соседней полосе, должно быть, заметил, что происходит, потому что резко затормозил, тем самым позволив “шкоде” уйти вправо. Леон крутанул руль и съехал с пути сигналящего джипа, чудом избежав столкновения.

Леон судорожно искал в сумке телефон, не отрывая взгляда от удаляющейся машины. Ключи, офисная карта, книжка, жевательная резинка... Наконец нащупал стеклянный экран смартфона. Достал его, набрал три цифры, 1-1-2, нажал зеленую трубку.

– Ну погоди, убудок, – бурчал себе под нос Леон. – Ты еще пожалеешь, что...

Слова застряли у него в горле. Черный джип не стал поворачивать, а помчался прямо и на полной скорости врезался в ограждение. Грохот, скрежет, искры. Автомобиль весом в несколько тонн проломил ограждение и рухнул вниз на Ягеллонскую улицу.

Леон на автомате остановил “шкоду” и вышел из машины. Он недоверчиво смотрел на искореженный джип, лежащий посреди стеклянных осколков. Мимо него с огнетушителем в руках пробежал водитель автобуса, его красный галстук трепыхался на ветру.

– Алло! Алло! – женский голос вырвал Леона из оцепенения. – Это номер сто двенадцать, говорите!

– Я хотел... – Леон нервно сглотнул. – Я хотел сообщить об аварии.

Юлита Вуйчицкая смотрела на буквы на экране компьютера. Буквы упорно светились зеленым. Плохо.

– Ну, давай, давай... – шептала она, вертя в пальцах обгрызенный карандаш.

– А я тебе говорил, – сидящий рядом Пётрек отпил чаю, после чего вытер модные усики. – Даже наши читатели не поведутся на такой топорный кликбейт.

– Ха! – Юлита победно вскинула руки над головой. – Смотри!

Фон под заголовком стал красным. Значит, за последнюю минуту по меньшей мере тысяча пользователей перешли по ссылке и открыли статью Юлиты под драматическим названием “ИЛОНА ЗАЙОНЦ ПОКАЗЫВАЕТ ФОТОГРАФИИ В БИКИНИ: Я НЕ БУДУ МОЛЧАТЬ, КОГДА ХЕЙТЕРЫ ОБЗЫВАЮТ МЕНЯ ТОЛСТУХОЙ [ФОТО]”. А это означало, что текст появится не только в малопопулярном разделе “Культура”, но и на главной странице портала.

Пётрек ничего не сказал, лишь театрально вздохнул и отвернулся к своему компьютеру. Юлита понимала его раздражение. За последнюю неделю ему не удалось написать ни одного кликабельного текста. Его статьи “ПОСМОТРИ, КАК ИЗМЕНИЛИСЬ ЗВЕЗДЫ «КЛАНА»”, “ЖУТКОЕ ОТКРЫТИЕ ГРИБНИКА”, “МИШКА КОАЛА КАТАЕТСЯ НА САНКАХ” светились зеленым, а иногда, о ужас, голубым, что означало полное отсутствие интереса со стороны пользователей. Хуже того: над каждым текстом Пётрек корпел часами, без конца менял порядок слов, подыскивал синонимы и неизбежные выражения. А Юлита настрочила материал об Илоне Зайонц за пятнадцать минут, с перерывом на перекур.

Девушка встала из-за стола, потянулась и отправилась на кухню. Красный текст есть – можно выдохнуть: дневную норму она выполнила. В дешевом чайнике, изнутри обросшем накипью, забулькала вода, кофейные гранулы растворялись в кипятке, распространяя приятный аромат. Юлита взяла в руки ярко-красную чашку с фиолетовой надписью MEGANEWSY.PL, сделала глоток кофе и окинула взглядом офис.

С десяток белых столов, гудящие компьютеры, клацание мышек и голубоватое свечение, отражающееся в стеклах очков. На стене два больших монитора, один из них показывал главную страницу портала с наложенной тепловой картой, которая с помощью цвета определяла популярность конкретных текстов; второй – круглосуточный новостной канал. В противоположном конце три отгороженные стеклянными стенами комнаты (начальство, кадры, компьютерщики), в углу – принтеры и сканер, за окнами – улица Кибернетики и пасмурное небо в ажурных стрелах башенных кранов.

Карьеру журналиста Юлита представляла себе совсем иначе. Она мечтала работать в каком-нибудь известном издании: “Газете Выборчей”, “Политике”, “Ньюсике”. Жаркие споры на утренней планерке, сдача материала в три часа ночи, встречи с политиками в утопающем в сигаретном дыму ресторане при Сейме², анонимный информатор в плаще, выкладывающий папку с данными на липкий барный столик, – что-то в этом роде. Она даже устроилась куда-то на стажировку, правда бесплатную. Три месяца перекладывала бумаги, приводила в порядок архивы и модерировала форумы в интернете в надежде, что ее кто-нибудь заметит, возьмет под крыло. Но в крупных изданиях стажеров и так хватало, в том числе из золотой варшавской молодежи с влиятельными родителями. На их фоне Юлите, девушке из кашубского городка Жуково в шмотках из секонд-хенда, ловить было нечего.

Потом она увидела объявление от портала *Mega-newsy.pl*. Искали журналиста в отдел “События”, обещали молодой коллектив, /конкурентоспособную зарплату, интересные командировки. Редакция в модном офисном здании, главный редактор сразу перешла с ней на “ты”, смеялась ее шуткам. Казалось, вакансия мечты.

Разумеется, стоило ей приступить к работе, как иллюзий поубавилось. Вопреки ожиданиям Юлиты, отдел “События” не интересовали, скажем, пожары в Греции или выборы в органы самоуправления. Под событиями здесь понимали просвечивающее платье на малоизвестной актрисе или новое селфи победительницы последнего сезона очередного телешоу. В

² Нижняя палата парламента Республики Польша.

общем, Юлита попала в желтое интернет-издание, измерявшее успех исключительно количеством просмотров сайта, а точнее, размещенной там рекламы. А коллектив? Да, молодой... и неопытный. Зарплата могла конкурировать разве что с такими же жалкими зарплатами в прочей бульварной прессе и зависела от показателей, а вдобавок с Юлитой заключили срочный договор.

Но она не жаловалась: в отличие от большинства сокурсников (факультет журналистики и социальной коммуникации Университета социальных и гуманитарных наук) она все-таки зарабатывала на жизнь пером. Гордиться публикациями не приходилось, зато писала она легко, и у нее явно был талант. А кроме того... в состав медиахолдинга ITVV, владельца “Меганьюсов”, входили и другие издания, в том числе влиятельный и солидный еженедельник “Попшек”, занимавший офис этажом выше.

Юлита допила кофе, вымыла чашку старой вонючей губкой, которую никому не хотелось менять, и вернулась за свой стол. Уселась по-турецки на скрипучий стул, вставила в уши наушники и принялась листать профили звезд второй и третьей величины в поисках новой темы.

Рядовой Радослав Гральчик шел по мокрому асфальту, медленно разворачивая ленту с надписью “ПОЛИЦИЯ” вокруг места происшествия. За его спиной лежал искореженный черный джип. Автомобиль рухнул на проезжую часть с высоты пятнадцати метров, перевернулся в воздухе и упал на бок. Водитель не выжил. Он не мог выжить.

Но рядовой Радослав Гральчик не обращал внимания на груды металла, на хрустящее под тяжелыми ботинками стекло, на запах машинного масла, бензина и крови. Во-первых, потому что он работал в дорожной полиции третий год и успел насмотреться аварий, пускай и не таких зрелищных, как эта. Во-вторых, мыслями он был далеко.

“Вот дерьмо, – выругался он, шагая по сверкающему от голубого света мигалок асфальту, – и как теперь быть?” Его жена Алиция уже некоторое время чувствовала себя не очень. У нее болела голова, постоянно хотелось спать, пропал аппетит. Поначалу они решили, что это какой-то грипп, осенняя хандра или, скажем, переизбыток глютенa в рационе. Пока, наконец, кто-то из них вслух не произнес то, что давно вертелось на уме у обоих: а вдруг Аля беременна? Она принимала противозачаточные таблетки, поэтому шансы были ничтожны, но... Когда в то утро она вышла из ванной в слезах, нервно теребя пояс халата, он уже знал, что показал тест: две полоски. А ведь все это время Аля пила алкоголь, курила, принимала кучу лекарств... Потом они вычитали, что, возможно, как раз антибиотики и нарушили действие контрацептивов. Ничего не поделаешь, винить, кроме самих себя, было некого, ведь любая реклама лекарств заканчивается предостережением-скороговоркой: *перед употреблением следует ознакомиться с инструкцией*.

Даже с одним ребенком они еле-еле сводили концы с концами. Он зарабатывал смехотворно мало, а Аля – учительница географии в техникуме – и того меньше. Жили они в однушке, доставшейся ему по наследству от бабушки, буквально друг у друга на головах: сидя вдвоем за столом в микроскопической кухне, задевали друг друга локтями. Аля предложила переехать обратно к ее родителям, в их дом в Яблонне. Радослав решительно отверг предложение, употребив выражения, которые не пристало произносить сотруднику службы правопорядка.

Оставался еще один выход: аборт. Слово, которое в Польше произносят только шепотом, только дома, не глядя друг другу в глаза, повернувшись спиной к висящему на стене распятию. Еще вчера Радослав был ярким противником подобных операций. А сегодня утром уже подсчитывал, во сколько им обойдется поездка Али в клинику в Чехии³. Ответ был неутешительным.

³ В Польше действует один из самых строгих в Европе законов об абортах. Аборты запрещены за исключением случаев, когда беременность угрожает жизни матери или наступила в результате изнасилования.

тельный: на поездку уйдет гораздо больше денег, чем оставалось на их сберегательном счету. А время шло...

Три тысячи злотых. У Радослава была неделя на то, чтобы раздобыть деньги. Если не получится – можно уже заполнять заявление на программу “500+”⁴. Но где взять столько бабла? Он даже готов был просить помощи у Бога, но повод все-таки был не самый подходящий.

– Эй, Радек! – окликнул напарника Ярек, вечно улыбающийся парень с румянцем во всю щеку. Он сидел на корточках возле джипа и заглядывал внутрь. – Иди-ка сюда!

Рядовой Радослав Гральчик привязал конец ленты к фонарному столбу и подошел к разбитой машине. Из окна торчала рука погибшего: на ней поблескивали дорогие часы, секундная стрелка подрагивала на одном месте.

– Чего там? – в тоне Гральчика звучало скорее нетерпение, а не любопытство.

– Взгляни, – гордо сказал Ярек, точно фокусник, который вот-вот достанет кролика из шляпы. – Узнаешь чувака?

Радослав Гральчик заглянул внутрь. Казалось, мужчина, вжавшийся в подушку безопасности, сладко спит. И только при взгляде на раздавленные ноги и окровавленную рубашку становилось понятно, что от этого сна ему уже никогда не очнуться. Гральчик внимательнее взглянул на его лицо. Чуть вздернутый нос, крупные полные губы, родинка, спрятавшаяся в бровях... А ведь и правда, где-то он его уже видел.

– Погоди, погоди, – его вдруг осенило. – А это не тот тип с телевидения? Бочек?

– Бучек! Рысек Бучек! – заулыбался в ответ Ярек. – Прикинь? Интересно, куда это он так торопился...

Гральчик уже не слушал. Он встал, отряхнул руки, быстрым шагом направился в сторону припаркованной на обочине патрульной машины.

– Эй! Ты куда?

– Перекурить, – сказал рядовой Гральчик и достал из кармана телефон.

Юлита сидела и размышляла, что бы ей такого написать. Она уже усвоила, что лучше всего кликаются статьи одной из трех категорий: “пух и прах”, “шок и недоверие” и “догадки и домыслы”. Проще всего писать тексты первой категории. Берем чей-нибудь двусмысленный, занятный или даже обычный комментарий – скажем, Гертых проехался по Куртеку или Розенек-Майдан по Гретковской⁵ – и снабжаем цитату шаблонной формулой: “Вы просто обязаны это прочитать! X разнес Y в пух и прах”. А поскольку знаменитостей было как грязи – актеры, певцы, политики плюс финалисты всевозможных реалити-шоу и фитнес-тренеры, – да к тому же у каждого был аккаунт в соцсетях и каждый мечтал прославиться, то подобные тексты можно было выдавать пачками, главное – почаще пользоваться командами “ctrl + c” и “ctrl + v”.

Писать статьи из разряда “шок и недоверие” тоже было не сложно, вот только материал требовался посложнее. После фотографий сияющей мамы Мадзи, восседающей верхом на лошади в бикини, удивить читателей стало сложновато⁶. Но и желтой прессе периодически перепал по-настоящему лакомый кусочек: то поезд врезался в автобус или автобус в поезд, то кто-то кого-то зарубил топором. Тогда нужно было быстро выложить материал на свою страницу, добавить красный капслок, восклицательные знаки, фотографию крупным планом. А потом сидеть и пожинать клики.

⁴ Стартовавшая в 2016 году государственная программа помощи семьям с детьми.

⁵ Скандальные конфликты между политиками Романом Гертыхом и Яцеком Куртеком, а также ведущей Малгожатой Розенек-Майдан и писательницей Мануэлой Гретковской не раз оказывались в центре внимания польской бульварной прессы.

⁶ “Мама Мадзи” (Катажина Васьневская) – жительница Сосновца, которая убила свою шестимесячную дочь, спрятав ее тело и попыталась обставить содеянное как похищение. В 2013 году приговорена к двадцати пяти годам тюрьмы. Постоянный персонаж желтой прессы.

Ну и наконец, “догадки и домыслы”, то есть статьи, играющие на читательском честолюбии. Здесь было вообще все равно о чем писать, главное – добавить в конце фразу: “Вы ни за что не догадаетесь!”, “Никому не догадаться!” или, как вариант, “Интересно, а вы догадаетесь?” Вроде все просто, но нужно было чувствовать читателя, понимать, что его цепляет, а что нет. В категорию “догадки и домыслы” попадали еще и тесты: о мексиканской кухне, тропических фруктах или хомяках – неважно. Заполучить заветный клик можно было тремя способами: бросить читателю вызов (“Интересно, сумеете ли вы набрать максимум очков!”), пообещать ему помощь (“С нашими подсказками вы точно справитесь!”) или внушить ему уверенность, что он проведет время с пользой (“Разминка для мозга по понедельникам”). Тесты кликались стабильно – кому ж не хочется почувствовать себя умным? – но на их составление уходило много времени, минимум час-два, поэтому соотношение плюсов и минусов было не таким уж очевидным.

В любой категории шансы на успех повышали фотографии, поэтому в конце заголовка писали капслоком “ФОТО”, а еще лучше “МЕМЫ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ”. Разумеется, подбирать фотографии приходилось тщательно, с учетом интернет-версии пирамиды Маслоу: снизу сиськи, в середине кровь, а на самом верху котики.

После минутных раздумий Юлита решила состряпать тест на тип личности, из серии “Какой ты город/автомобиль/стручковый плод”? Здесь можно было дать волю фантазии, поиграть в психолога и даже попробовать себя в жанре абстрактного юмора в духе Монти Пайтона. Но не успела Юлита дописать самый первый вопрос, как услышала голос своей начальницы, Магды Мацкович.

– Вуйчицкая! В мой кабинет, прыжками!

Юлита встала и послушно направилась в сторону помещения со стеклянными стенами. Мацкович, как обычно, делала сто дел одновременно. Разговаривала по телефону, зажав его плечом, потому что руки у нее были заняты: в одной она держала ручку и что-то торопливо записывала, а второй сжимала резиновый мяч. При этом она не спускала глаз с телевизора, включенного на канале TVN24, а ногой в оранжевом кеде пыталась стереть с пола пятно от кофе.

Юлита присела напротив стола Мацкович и ждала, пока та закончит говорить по телефону. За неимением лучшего занятия взглянула на телевизор. Полоска внизу экрана белая, значит, ничего заслуживающего внимания не происходит. В студии сидели штатные эксперты, разбирающиеся примерно во всем, пророки, от которых у будущего не было тайн. Сейчас они спорили о Верховном суде, но что конкретно они говорили и какие диагнозы ставили, сказать было невозможно, ведь звук был выключен.

– Пятнадцать минут, да? – Мацкович почесала карандашом в затылке. – Ладно... Ладно... Понятно.

Юлита взглянула на Мацкович. Та, как всегда, была модно одета: рваные джинсы, блузка с красивым принтом и очки в грубой фиолетовой оправе. И, как всегда, у нее был слегка помятый вид: красные глаза, немытые стянутые в хвост светлые волосы, облезший лак на ногтях.

– Ага... Ага... – Юлита знала этот тон: Мацкович уже теряла терпение и хотела побыстрее закончить разговор. – Ну давайте так. Да, да... До свидания.

Главредша положила телефон рядом с двумя другими. Мобильники беззвучно вибрировали и подсказывали на столешнице; при их виде вспоминались выброшенные на берег рыбы, отчаянно пытавшиеся вернуться в воду. Мацкович одним глазом проверила, кто звонит, и решив, что звонок неважный, повернулась к Юлите.

– Слушай... Ты не против, если я сцежусь? Дело срочное, а я больше не могу...

– Конечно, – натянуто улыбнулась Юлита.

– Уф-ф, спасибо... – Мацкович достала из ящика письменного стола молокоотсос и задрала блузку. – Еще минута, и я бы лопнула.

Молокоотсос зашипел и засвистел, словно респиратор Дарта Вейдера, а Мацкович выдохнула с явным облегчением. Недавно она родила второго ребенка, мальчика. Все, включая замдиректора Адама, были уверены, что ее не будет по меньшей мере полгода, а может, даже год, но Мацкович вернулась спустя три месяца.

– Ну ладно, – начальница откинулась на стуле. – Ты слышала об аварии на Ягеллонской?

– Конечно. Пётрек написал о ней в раздел “Варшава”.

– Ага, вот только оказывается, это тема для главной, – победно улыбнулась редактор. – Нам поступила информация от анонимного свидетеля. Знаешь, кто сидел за рулем? Рышард Бучек.

– Ого...

– Мы наняли фотографа, он уже на месте. Говорит, мы получим фотографии через пятнадцать минут.

Мацкович приставила молокоотсос ко второй груди, скривилась от боли.

– И больше об этом никто не знает?

– Нет.

– Даже “Факт” и “Суперак”?

– Пока нет... Но это вопрос времени. Готова поспорить, что тот тип из агентства продаст им снимки, как только получит деньги от нас. Поэтому нужно поторапливаться... И поэтому статью об этом напишешь ты.

– Да я бы с удовольствием... – Юлита засомневалась. – Но ведь Пётрек уже в теме, он в курсе всех подробностей, так что, может, лучше поручить это ему...

Мацкович извлекла молокоотсос из-под блузки и водрузила его на письменный стол. Юлита отвела взгляд. По непонятной причине вид человеческого молока вызывал у нее отвращение. Было в нем что-то животное, не вписывающееся в мир компьютерных экранов и стеклянных небоскребов.

– Пётрек полдня будет думать над причастными оборотами. У нас на это времени нет. Сейчас десять минут двенадцатого... Фотографии ты получишь примерно в одиннадцать двадцать. Готовый текст должен висеть на главной в одиннадцать тридцать. Слов двести, максимум триста. Ясно?

– Но...

– Никаких но. За работу.

Юлита кивнула и встала. Уже на пороге услышала голос начальницы.

– Юлита?

– Да?

– Больше не пытайся строить из себя хорошую подругу, – произнесла редактор, не отрываясь от телефона. – Тебе тут никто за это спасибо не скажет.

Рядовой Радослав Гральчик разгладил бланк, прикрепленный зажимом к темно-синему планшету из кожзама, и уставился в заголовок: ПРОТОКОЛ ОСМОТРА МЕСТА ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ. Заполнив его в сотый раз, он отправился с сослуживцами на пиво. Заполнив в тысячный – всерьез задумался об увольнении.

Полицейский отрегулировал спинку кресла, опустил стекло на три сантиметра, а затем поднял на два, после чего достал из бардачка карандаш и самозабвенно точил его, пока тот не превратился в идеальный конус. Наконец, поймав на себе взгляд сидящего рядом Ярека, приступил к заполнению.

Осмотр начат в: 8:22 утра, 15.10.2018. Изменялось ли положение (транспортных средств, пострадавших, предметов) до начала осмотра: нет. Принятое направление осмотра: север. Начальный пункт осмотра: канализационный люк под номером K1238. Участок места аварии:

съезд вправо. Тип дорожного покрытия: асфальт. Дорожное покрытие: ровное. Действующее ограничение скорости: 60 км/час.

Затем настал черед “Описания дорожно-транспортного происшествия и следов столкновения”. Рядовой Радослав Гральчик зевнул, потер глаза и продолжил писать, используя заученные фразы и выражения. “По распоряжению дежурного VI отделения полиции района Прага Северная совершен выезд на улицу Ягеллонскую, 65/57. На месте присутствовало лицо, сообщившее о дорожном происшествии: Леон Здзислав Новинский, сын Яна и Анны, паспорт ставший свидетелем дорожно-транспортного происшествия с участием Рышарда Бучека, сына Вальдемара и Халины... Транспортное средство: Jeep Grand Cherokee, цвет черный, номерной знак WO MINDAL, год выпуска 2014...”

– Смотри-ка, – буркнул Ярек, выглядывая в окно. – Стервятники слетелись.

Радослав Гральчик взглянул в ту же сторону. На противоположной стороне проезжей части, сразу за сигнальной лентой, стоял мужчина в черной непромокаемой куртке. В руках он держал фотоаппарат с огромным объективом. У Гральчика вдруг сдавило желудок, кровь отлила от лица. К счастью, Ярек этого не заметил.

– Он наверняка знает, что это был Бучек. Обычное ДТП фотографировать бы не стал.

– Кто-то слил им информацию... – Гральчик склонился над протоколом, потер нос кончиком карандаша. – Видать, парни со “скорой”...

– Павулончики хреновы...⁷ – Ярек отложил в сторону планшет с незаконченным наброском места аварии, открыл дверь и выставил ногу. Штанина задралась, обнажив бледную икру, сдавленную полиэстеровым носком.

– Ты куда?

– Документы у него проверю. Кто-то должен поставить их на место.

– Ага, – хмыкнул рядовой Гральчик. – А потом они снимут, как мы на патрульной машине едем в “Макдак”, как это было с ребятами из второго отделения, – и получи скандал на всю Польшу. Слушай, утомонись уже... И вообще я уже почти закончил.

Ярек, знавший меню “Макдональдса” наизусть, на мгновение застыл, не убирая ноги из лужи, а потом поднял ее и захлопнул дверь так, что затряслась вся машина. Он что-то еще бормотал о шакалах и лживых газетенках и о том, что пора бы уже правительству национализировать СМИ, но Радослав Гральчик его не слушал. Он не мог дождаться, когда наконец допишет рапорт, вернется в отделение, сядет за компьютер и проверит свой банковский счет.

“Вследствие проведенной со свидетелем беседы следует, – продолжал писать Гральчик, – что водитель транспортного средства значительно превысил разрешенную скорость и, утратив контроль над автомобилем, врезался в защитное ограждение...” Потом он добавил пару слов о состоянии автомобиля (обширные повреждения кузова и шасси) и пострадавшего (зафиксирована смерть на месте) и наконец завершил протокол фразой, которую каждый уважающий себя польский гаишник готов процитировать по памяти в любое время дня и ночи: “Осмотр завершен в неизменившихся погодных условиях”.

Гральчик поставил точку, передал протокол Яреку на проверку и подпись. Сколько же лишней бумаги, подумал он, сколько лишних слов. Будь его воля, он описал бы происшествие гораздо короче: богатый мудила решил, что раз у него охрененная тачка, значит, он охрененный водитель, но ошибся. Хорошо еще, что внизу никто не ехал и его охрененный джип разбился об асфальт, а не рухнул на другую машину.

⁷ В начале 2000-х благодаря расследованию журналистов “Газеты Выборчей” сотрудников службы скорой помощи города Лодзь обвинили в умышленном убийстве пациентов с помощью препарата “Павулон” с целью продажи информации похоронным бюро (т. н. дело “охотников за шкурами”).

Ярек отдал ему подписанный протокол. Гральчик повернул ключ в замке зажигания, кивнул пожарным и поехал в участок. Фотограф уже испарился.

Юлита на подкашивающихся ногах брела к своему столу. Ей досталась срочная новость, самая что ни на есть *breaking news*! Такого в “Меганьюсах” почти не бывало. Портал не отправлял своих журналистов на места событий, разве что считать событиями премьеру очередной романтической комедии или открытие нового ресторана. Все делалось по интернету или телефону, тексты для раздела “Сообщения” писали на основе информации от Польского агентства печати или публикаций порталов покрупнее. Конечно, бывало, что и им иногда сообщали нечто этакое по почте, но, как правило, речь шла о событиях малозначимых, если не сказать ничтожных: фотография X без макияжа, Y припарковал свой “феррари” на месте для инвалидов и всякое такое. Но смерть Бучека, да еще и в страшной аварии, – это совсем другое дело, крупный калибр, статья, которую будут цитировать другие порталы... И которую ей нужно написать за двадцать минут.

Юлита села за стол, потеряла виски, попыталась собраться с мыслями. У ее поколения Рышард Бучек ассоциировался только с одним – передачей “Воздушные замки”. Сразу вспоминались воскресные обеды у бабушки с бабушкой: зеленый от мелко порубленной петрушки бульон, свиная отбивная с тертой свеклой, вечно падающей на скатерть, посыпанные сахарной пудрой оладушки с яблоком на сладкое. Потом взрослые оставались за столом поговорить о серьезных вещах, а дети усаживались перед телевизором и включали Второй канал. Ровно в три часа раздавалась песенка, которую Юлита до сих пор помнила наизусть:

И взрослые, и дети
На нашей чудесной планете,
И шалуны, и тихони послушные
Любят строить замки воздушные.
Нежданно и негаданно
Приходят к нам мечты.
И вот уже в волшебный мир
Летим и я, и ты!
Мечты нас в дальний путь зовут —
Ведь приключения там ждут!

Вспыхивали софиты, шипели дым-машины, и на сцене появлялся Рышард Бучек в обшитом голубыми блестками фраке, безумном высоченном цилиндре и с гигантским галстуком-бабочкой в золотой горох. Идея была простая, а по сегодняшним меркам и вовсе примитивная. Раз в неделю в студию приходили трое детей и рассказывали Бучеку (а точнее, пану Миндалю – так звали его персонажа) о своих заветных мечтах. Шестилетний Ясек из Пуцка хотел стать пожарным, восьмилетняя Анеля из Радома мечтала побывать в Австралии, а пятилетний Макс – полететь на Луну.

Пан Миндаль выслушивал детей, задавал смешные вопросы, сверкал глазом в монокле, а затем произносил заклятие, известное каждому польскому ребенку: “Чары-мары, фокус-покус, мое желание исполнись!” – после чего приступал к исполнению желаний. К Ясеку из Пуцка приходили пожарные и показывали, как пользоваться огнетушителем. Анеля гладила доставленного прямо из зоопарка кенгуру, а Максик в костюме космонавта вышагивал по оклеенной фольгой студии, изображавшей поверхность серебряной планеты.

Ничего особенного, но детям нравилось. В начале девяностых “Воздушные замки” смотрели миллионы; на время передачи вымирали детские площадки и дворы. Позже популярность программы стала медленно, но верно таять, однако с эфира ее не снимали. Кто бы ни заправ-

лял телевидением – правые или правые, в силу исторических обстоятельств прикидывающиеся левыми, – каждую субботу пан Миндаль исполнял детские мечты. Мечты с годами менялись (в наши дни мало кто хотел стать пожарным, теперь мальчики мечтали о карьере рэпера, а девочки – модели), да и с пана Миндаля-Бучека слетел лоск неотразимого дамского угодника, живот его округлился, волосы припорошило сединой, а красный нос однозначно свидетельствовал о том, что актер не прочь исполнить и кое-какие собственные желания.

Сегодня “Воздушные замки” по количеству просмотров обгоняли разве что “Телевизор на диване”, но Рышарда Бучека по-прежнему знали. Ведь эпоха интернета удостоила его своей наивысшей награды – он превратился в мем. Пару лет назад кто-то выложил в Сеть фотографию Бучека в костюме пана Миндаля с подписью: “Фокус-покус, чары-мары, провоняли шаровары”. По необъяснимой причине картинка произвела фурор, и вскоре соцсети накрыла лавина ее клонов с не менее дурацкими рифмованными строчками: “Чары-мары, фокус-покус, расцветает в попе крокус” или “Эне, дуэ, раба, поцелуй прораба”. В отличие от многих интернет-хитов, которые забываются так же стремительно, как появляются, забава со стишками про пана Миндаля набирала обороты. На Бучека вышел оператор сотовой связи, изо всех сил пытавшийся убедить молодежь в своей крутости, и предложил ему стать лицом сети. С тех пор Бучек превратился в такой же неотъемлемый элемент польского пейзажа, как памятники папе римскому в три четверти его настоящего роста или домики, крытые разноцветным профнастилом. Он улыбался с плакатов и билбордов, из магазинных рекламных проспектов и поп-апов в интернете. “Тарифов лучше не бывает – пан Миндаль уж точно знает!”

Но чем занимался Бучек раньше, до рекламы и телевидения? Юлита помнила, что он был актером, но никак не могла вспомнить, где он играл – впрочем, неудивительно, ведь, как и большинство представителей своего поколения, она презрительно относилась к польскому кинематографу и новому отечественному фильму о национальных травмах предпочитала “Игру престолов” или “Картонный домик”.

Часы в углу экрана показывали 11.14, и Юлита решила, что у нее еще есть несколько минут на поиск информации. Она нашла страницу Бучека в Википедии. Не отрывая взгляда от экрана, выписала основные факты: “Родился в 1965 году, Новый Сонч... Учился на актерском факультете Высшей государственной школы кинематографа, телевидения и театра в Лодзи... Играл в лодзинском театре им. Стефана Ярача и театре «Повшехны» в Варшаве... В кино дебютировал в фильме «Подземная жизнь» (1981), где сыграл роль Вацлава... Лауреат премии Польской киноакадемии за роль архангела в фильме «Овечки божьи» (2003)...”

Не успела Юлита просмотреть всю фильмографию, как вдруг послышалось тихое *динь*. Новое письмо. Она открыла почту.

от: Яцек Валевский jacekwalewski@turbofoto.com

кому: Meganewsy info@meganewsy.pl

дата: 15 октября 2018 11.18

тема: Фотографии с места аварии Бучека

Всем привет!

Отправляю заказанные фотографии. По моему скромному мнению, вышло очень даже неплохо;)

Яцек

Юлита рассматривала фотографии быстро, одну за другой, ведь время поджимало. Пролом в ограждении. Лежащий на боку автомобиль, из разбитого окна посреди подушек безопасности торчит рука. Номер крупным планом. Оторванное колесо крупным планом. Окровавленная ладонь, разбитые часы, вокруг искрятся осколки. Кадр с сигнальной лентой на переднем

плане. Пожарные пилами разрезают остов автомобиля. Сноп искр. Патрульная машина на обочине, в ней двое полицейских склонились над бумагами.

Юлита поморгала, словно хотела прогнать навязчивые видения, глотнула холодного кофе. Какую фотографию выложить на сайт? Понятное дело, лучше всего кликаются фотографии с трупом, но она прекрасно знала, что их использовать нельзя. В первый же рабочий день Мацкович вбила ей в голову: помни, никаких сисек, никаких покойников. Тогда Юлита была приятно удивлена. Выходит, подумала она, “Меганьюсы” вовсе не такая помойка, как те желтые издания, которые на главной странице выкладывают тела военных журналистов с пулевыми ранениями или разрубленных на куски детей. Значит, есть у них принципы, какое-никакое понятие о приличии. И лишь спустя несколько месяцев она узнала, что все дело не в приличии и не в чести, а в алгоритмах *Google*. Если бы *Google* счел их портал сайтом с порнографическим и/или шок-контентом, “Меганьюсы” немедленно бы удалили из сервиса *AdSense*, а это неизбежно повлекло бы за собой банкротство сайта. “Факт” и “Супер Экспресс”, по-прежнему получавшие львиную долю прибыли от бумажных изданий, просто могли себе позволить игнорировать цензоров из Кремниевой долины. Вот и вся разница.

Выбор Юлиты пал на фотографию, на которой разрезали автомобиль. Пожарные, сидящие перед машиной на корточках, заслоняли руку Бучека, сноп искр привлекал внимание и добавлял ситуации драматизма. На часах было уже 11.21, у нее оставалось девять минут. Юлита сплела пальцы, выгнула их, хрустнув суставами, включила в наушниках *Rammstein* и принялась за работу.

Леон Новинский смотрел на фотографии квашеной капусты. Квашеная капуста в бочке. Квашеная капуста в миске. Квашеная капуста в банке. Квашеная капуста на тарелке с отбивной. Он прокручивал страницу с картинками в тщетной надежде обрести вдохновение. Проект этикетки, открытый на втором мониторе, – «sok_v22_final.psd» – на данный момент состоял из двух линий и белого фона.

Леон тихо выругался. У него никак не получалось сосредоточиться, ничего интересного в голову не приходило. Придумать этикетку для “молодежного сока из квашеной капусты” само по себе задание не из легких, а сегодня и подавно.

На работу он в итоге добрался только после одиннадцати. Сначала его допрашивала полиция, потом журналисты какого-то местного телевидения. Леон втайне надеялся, что, как только он расскажет начальнику о причине своего опоздания, тот отпустит его домой выспаться и прийти в себя. Но нет. “Леон, дружище, – сказал Михал, продакт-менеджер. – Я все понимаю, ужасно, конечно, но ты же знаешь, что типография в Олыштынеке уже на низком старте. Необходимо отправить им этикетку до конца дня, иначе мы не сдадим продукт в срок, а переносить маркетинговую акцию уже поздно. Так как? Можем мы на тебя рассчитывать?” Вопрос был риторический. Разумеется, да. Леону надо было выплачивать кредит.

И вот он сидел за столом, разглядывал фотографии капусты, а перед глазами у него стоял разбитый автомобиль. Он все еще чувствовал запах крови и машинного масла, слышал грохот металла. Что же там все-таки случилось? Мужик не просто не справился с управлением. Он даже не пытался свернуть – мчался прямо в ограждение на скорости сто с лишним километров в час. Засмотрелся? Потерял сознание?

Леон потер лоб, провел ладонями по небритым щекам и взглянул на свои наброски. Человечек в форме бочки с квашеной капустой на скейтборде? Монстрик из капусты, отечественная вариация на тему Летающего Макаронного Монстра? Парень и девушка, связанные ниточкой квашеной капусты, которую они держат во рту, в позе собак из “Леди и бродяги”?

Остановился на первом варианте. “Боже мой, – думал он, пририсовывая бочке ноги в кроссовках, – пять лет в Академии изящных искусств, стипендия, премия ректора, выставки, столько труда... А теперь вот это всё”.

- Эй, Леон... – окликнул его Игнаций, спец по рекламе. – Иди-ка взгляни.
- Не сейчас. Я тут человека-бочку делаю.
- Чего?
- Человека-бочку. Типа молодежно, – Леон пририсовал нос в форме пробки. – У Михала спроси, он тебе объяснит.
- Не, ну я серьезно. Это про твою аварию. Ты слышал, кто сидел за рулем?
- Кто?
- Рышард Бучек. Пан Миндаль.

Леон резко крутанулся на стуле и подъехал к столу Игнация. У того на экране была открыта статья на портале *MeganeWSy.pl*. Красный капслок и жирный шрифт, множество восклицательных знаков, а под ними снимки. Слева: черно-белая фотография Бучека времен славы “Воздушных замков”, с цилиндром на голове. Справа: искореженный автомобиль, который Леон несколькими часами ранее видел в зеркале заднего вида.

ТРАГЕДИЯ! Знаменитый актер, любимец детей,

Рышард Бучек († 53 г.)

ПОГИБ В СТРАШНОМ ДТП!!! [ФОТО]

ТОЛЬКО У НАС!!!

Юлита Вуйчицкая

Сегодня утром Рышард Бучек († 53 г.), популярный ведущий телепередачи “Воздушные замки”, погиб в СТРАШНОМ ДТП в Варшаве. На съезде с трассы S8 известный актер сильно превысил разрешенную скорость и врезался в дорожное ограждение. Автомобиль РУХНУЛ С ВЫСОТЫ 15 МЕТРОВ, машина изуродована ДО НЕУЗНАВАЕМОСТИ! В такой аварии у знаменитого пана Миндаля НЕ БЫЛО ШАНСОВ ВЫЖИТЬ. Полиция констатировала СМЕРТЬ НА МЕСТЕ, а пожарным пришлось применить БЕНЗОПИЛЫ, чтобы извлечь тело!

Известие о смерти актера станет ударом для его жены, актрисы Барбары Липецкой-Бучек (40 лет), сыгравшей в сериале “Бабье лето”, и сына Рафала (13 лет). Редакция портала *MEGANEWSY.pl* приносит им свои соболезнования.

Леон не дочитал статью до конца. Молча вернулся за свой стол.

- Ну? – слегка разочарованно спросил Игнаций. – Ничего не скажешь?
- Жаль мужика, – ответил Леон, приделывая бочке с квашеной капустой широченную улыбку. – А статья омерзительная.

Юлита нажала “обновить”. И еще раз. И еще. Каждый раз под статьей появлялись новые комментарии. Их количество уже перевалило за тысячу: слова сожаления (bubu433: “Не верю! Пан Миндаль – это мое детство... Черт, ужасно грустные новости;-/”), соболезнования (aga.pomoge: “Пани Бася, держитесь. Щecin зажигает свечи для пана Рышарда ['] ['] [']”) и,

разумеется, оскорбления, куда же без них (prosto_z_mostu: “Подох заплаченный актеришка, а не хер было деньги у либерастов брать!”, praffdomoffny: “Хреновы патриоты и мертвому покоя не дадут!”). Оскорбления появлялись под любым текстом: о собаке, умеющей кататься на скейтборде, о японце, собравшемся жениться на роботе, или о тыкве-гиганте из штата Айдахо. Оскорбления давно стали неотъемлемой частью польского интернета, как прикрытое размокшей туалетной бумагой дерьмо на берегу живописного озера или мозаика из пестрых рекламных щитов на выезде из города.

Как бы то ни было, текст о смерти Бучека кликался так, что дымились сервера. Тему подхватили конкуренты, расплодившиеся желтые газетенки, за ними “Супер Экспресс” и “Факт”, и даже серьезные “Газета Выборча” и “Политика”. Правда, мало кто ссылался на первоисточник, не говоря уже об упоминании имени автора, но осознание, что именно она, Юлита Катажина Вуйчицкая из городка Жуково, разогнала всю эту медийную махину, наполняло ее сердце гордостью. Несмотря ни на что.

– Пять тысяч лайков, тысяча с лишним репостов... – Пётрек восхищенно покачал головой. – Ну и ну, Вуйчицкая. Поздравляю. Еще чуть-чуть – и Пулитцер твой.

Юлита улыбнулась и поблагодарила, хотя не была до конца уверена, шутит Пётрек или издевается. Она ведь прекрасно понимала, что сама статья была бездарным набором штампов и кричащих прилагательных. В универе за такой текст ее подняли бы на смех... Да даже учительница польского в школе, пусть земля ей будет пухом, поставила бы за него кол с минусом, а то и с тремя... Но, как любила говорить главред Мацкович, задача журналиста – писать статьи, которые люди читают, а не которые они должны читать.

Собственно, теперь Мацкович воплощала этот принцип в жизнь. Если народ хочет Бучека, нужно дать ему Бучека. Много и быстро. Весь коллектив получил задание писать тексты о нем: комментарии друзей Бучека, лучшие роли Бучека, худшие роли Бучека, жена Бучека, сын Бучека, пес Бучека и хомячок Бучека, что угодно, лишь бы с Бучеком. Несколько фраз, фото и текст размещались в боковой колонке портала, где они генерировали столь ценные клики, валюту интернет-журналистики.

Под конец дня активность на портале снизилась. Нет, у людей не пропал интерес к трагической гибели актера, просто тему перехватили игроки покрупнее: у них было гораздо больше читателей, больше каналов продвижения, больше денег на приобретение снимков Бучека из частных коллекций. Тема перестала быть эксклюзивной.

– Спасибо всем за отличную работу, – торжественно произнес замначальника Адам на вечернем заседании. От его выступлений, как всегда, неудержимо тянуло зевать. – Сегодня мы зафиксировали триста с лишним тысяч просмотров и почти сто тысяч уникальных посетителей. У нас появились новые подписчики во всех соцсетях: “Фейсбуке”, “Твиттере”, “Инстаграме”⁸. Тему Бучека уже вовсю эксплуатируют, но еще денек мы вполне можем на ней посидеть. Кто приходит утром? Пётрек? Ладно... “Супер Экспресс” собирается выложить интервью с вдовой Бучека. Как только они выложат его у себя, я хочу, чтобы текст об этом был на главной у нас, ясно? Ну все, молодцы, хорошо поработали. Спокойной ночи и до свидания.

Офис начал пустеть. Гасли мониторы, пикал турникет на выходе, хлопали двери. Пани Халина, уборщица с увядшим лицом и золотым сердцем, елозила пылесосом по ковровину, бормоча что-то себе под нос. Наталия, остававшаяся на ночное дежурство, заливала кипятком растворимый суп – по офису разносился аромат глутамата натрия.

Юлита все еще сидела за компьютером. Пора бы уже собираться домой, но на Маринарской все еще пробки, а к тому же... Она никак не могла собраться с силами и закончить этот день, поставить в нем точку. Текст о Бучеке стал главным успехом в ее карьере. Да-да, тему

⁸ * *Meta Platforms Inc.*, которой принадлежат *Facebook* и *Instagram*, признана в России экстремистской организацией, ее деятельность на территории страны запрещена.

ей преподнесли на блюдечке, она даже не видела аварии своими глазами, но... Впервые с тех пор, как она устроилась в “Меганьюсы”, у нее зашкаливал адреналин, впервые у нее было чувство, будто она прикоснулась к настоящей журналистике. Осознание, что все уже позади, что завтра она снова будет прочесывать соцсети в поисках сплетен о целлюлите и силиконе, было невыносимо.

Юлита еще раз обновила страницу со своей статьей, чтобы проверить количество лайков. Ее преследовало смутное чувство вины, как того, кто зарекся есть конфеты, а через пять минут тянется за следующей. Она сама всегда смеялась над заиклостью Адама на статистике, за утренним кофе проклинала введенный им культ тепловой карты, но, когда никто не видел, судорожно проверяла те же цифры, что и он. Интересно, подумала она, будь во времена Боба Вудварда и Карла Бернстина⁹ интернет, мы бы тоже каждую минуту нажимали на F5, чтобы увидеть, сколько людей поставили сердечко или изумленную рожицу их статье о Уотергейте?

Комментариев и лайков прибавилось, но ненамного – было ясно, что пять минут славы Юлиты позади. Она еще раз отфильтровала комментарии: сначала самые последние. Как обычно: чем дальше, тем меньше их содержание было связано с исходной темой, а сами комментарии постепенно превращались во все более агрессивные нападки. Еще чуть-чуть, и кто-то кого-то сравнит с Гитлером. На этом точно можно заканчивать.

Нашлось одно исключение. Комментарий от пользователя `the_inquisitive_deer_2000`, опубликованный три минуты назад. Четкий, понятный и, не считая пробела перед запятой, грамматически правильный: “Ну не, что за бред. Никто в своем уме не стал бы входить в поворот на такой скорости. Дело смердит за километр. Но ясен пень, легче написать, что это несчастный случай. Люди, очнитесь!”

Ага, не хватало только теории заговора. Ну конечно, никто же просто так не погибает. Наверняка Бучека замочило лобби прививочников или боевые отряды феминисток. Юлита фыркнула, закрыла окно поисковика, и снова увидела на экране фотографию с места аварии.

Она еще раз взглянула на изуродованный автомобиль. Теперь, когда торопиться было некуда, когда не нужно было бегом-бегом сочинять текст, она не могла отделаться от впечатления, что что-то здесь действительно не так. Даже если Бучек был заправским гонщиком, он все равно должен был понимать, что выполняет крайне опасный маневр, что может не вписаться в поворот. Куда он так гнал? И зачем?

Юлита начала листать фотографии: на сей раз медленно, внимательно изучая каждую, хотя она и сама не понимала, что именно ищет. Автомобиль восстановлению не подлежал, но даже смоленская комиссия¹⁰ не сумела бы отыскать в нем признаки взрыва. *Клик*, номер. Ничего интересного. *Клик*, колесо. Колесо как колесо. *Клик*, крупным планом рука, часы. Юлита, по примеру детективов из телевизора, первым делом взглянула на разбитый циферблат и отметила время, на котором остановились стрелки... После чего хлопнула себя рукой по лбу. “Дура, ты же и так знаешь, во сколько случилась авария, – мысленно выругалась она. – Соберись!”

Юлита перевела взгляд на руку... И удивленно подняла брови. Ногти Бучека были в ужасном состоянии. Обломанные, стертые, все в крови. Странно. За время работы в желтом издании Юлита успела насмотреться на фотографии с места ДТП. Травмы бывали жуткие: откры-

⁹ Американские журналисты, авторы серии расследований, вошедших в историю как “Уотергейтский скандал”. В результате расследований Вудварда и Бернстина в 1974 году президент США Ричард Никсон был вынужден подать в отставку.

¹⁰ Специальная группа, созданная для расследования обстоятельств крушения в 2010 году самолета Ту-154М, на борту которого находилась польская делегация во главе с президентом Польши Лехом Качиньским, направляющаяся в Смоленск на траурные мероприятия по случаю 70-й годовщины расстрела польских офицеров сотрудниками НКВД в Катынском лесу. В авиакатастрофе погибли все 96 человек, находившиеся на борту.

тые переломы, разбитые головы, распоротые животы. Но пальцы? Пальцы, а уж тем более ногти обычно оставались целы.

На всякий случай Юлита просмотрела неопубликованные фотографии с мест нескольких громких аварий последнего года, присланные агентством. Она была права. Отыскала в интернете фотографии Бучека, сузила период поиска до последнего месяца: Бучек обнимает жену (элегантный серый костюм, гель для волос, улыбка), Бучек на диване в утренней передаче (джинсы и толстовка, оживленно жестикулирует, видать, травит анекдоты). Приблизил руки. Ухоженные, аккуратно подстриженные ногти, словно только от маникюрши.

– Чашку забрать? – услышав голос пани Халины, Юлита вздрогнула.

– А? Нет, нет, я себе еще кофе заварю.

– Пани Юлиточка, дорогая моя... Восемь часов. Езжайте лучше домой, отдохните.

– Ох... Сегодня я, пожалуй, не усну.

– Что случилось?

Юлита встала из-за стола, взяла кружку.

– Это я и пытаюсь понять.

2

Буженина, салат айсберг. Паштет из тунца, кукуруза, майонез. Сыр, редиска, огурец. Юлита перебирала завернутые в пленку сэндвичи в поисках любимой булки с салями и болгарским перцем. Рядом уже выстроилась очередь из сотрудников со всего здания: одни держали пластиковые лоточки с домашними обедами, другие – хипстерские йогурты с семенами чиа и роллы с тофу.

Появление пана Багета было неизменным пунктом в привычном распорядке дня, настоящим ритуалом офисной жизни. Зеленый “фиат сейченко”, переделанный в автомобиль доставки, обычно подъезжал к зданию около десяти, но нервное ожидание ощущалось уже минут за пятнадцать до его прибытия. Сидевшие у окна то и дело поглядывали на улицу, остальным приходилось полагаться на девушек с ресепшн. При словах “ПАН БАГЕТ” люди вскакивали из-за компьютеров и быстрым шагом устремлялись вниз. Совсем бежать, конечно, не подобало – так позориться все-таки было нельзя, – но многие ускорялись, чтобы на повороте опередить конкурентов, а привычные принципы офисного этикета, как то придержать дверь лифта или пропустить в дверях, немедленно забывались. В белых воротничках просыпались атавистические инстинкты охотников и собирателей: кто первый, того и мамонт.

Пан Багет раздваивался и растранивался, словно индуистское божество с двадцатью руками. Он умел одновременно принимать наличные, выдавать сдачу, прикладывать карты к терминалу и вручать клиентам пластмассовые приборы. Под конец оставались лишь жалкие остатки, на которые можно было позариться лишь от отчаяния: открытый сэндвич в пленке, измазанной маслом, или пользующиеся дурной славой роллы с кебабом.

Юлита оказалась в середине очереди, и ей посчастливилось выцепить вожделенный бутерброд. Улыбаясь, она отсчитала мелочь, получила чек, который тут же смяла и выкинула в урну, после чего вернулась на четвертый этаж, в офис “Меганьюсов”. За это время приехала Мацкович. Юлита осторожно постучала в стеклянную дверь. Начальница пригласила ее войти.

– Да?

– У тебя есть минутка? Нужно поговорить.

– До совещания еще семь минут... – Мацкович взглянула на часы, измерявшие не только время, но и шаги, пульс и ритм сна. – Тебе хватит?

– Наверное.

– Тогда я слушаю. В чем дело?

– В Бучеке.

– М-м-м?

– Понимаешь... – начала Юлита. – Я знаю, что это прозвучит как дешевая сенсация, но... Мне кажется, это была не просто авария.

– Дешевые сенсации оплачивают наши счета. – Мацкович откинулась на стуле, поставила ноги на стоящий под столом компьютер. На щиколотке у нее была маленькая татуировка, сова в очках. – Так что смелее.

– Я вчера снова разглядывала фотографии... И с его руками что-то не так. Они выглядят так, словно перед смертью... Я и сама толком не знаю... Он с кем-то подрался? Что-то скреб?

– Которая фотография? – Мацкович повернула монитор в ее сторону. На экране была папка с превьюшками.

– Сейчас. Вот эта.

Два клика мышкой, фотография открылась. Мацкович зажмурилась, поправила очки.

– Хм. А ведь и правда.

– Плюс он мчался на бешеной скорости, влетел в поворот, как псих... Может, он от кого-то убегал? Гнался за кем-то?

В стекло постучали. Юлита и Мацкович машинально взглянули в направлении двери. Адам давал понять, что через минуту начнется совещание. Начальница жестом отправила его восвояси.

– Ты понимаешь, что мы не можем выложить эту фотографию?

– Понимаю.

– А без фотографии история не работает.

– Да, собственно, поэтому... Я хочу внимательнее все изучить. Немножко разнюхать.

Мацкович ответила не сразу. Она закрыла фотографию и повернула монитор обратно к себе.

– Юлита... Я знаю, что ты хочешь быть настоящей журналисткой. И я это уважаю. Но давай не будем себя обманывать... “Меганьюсы” – не то место, где ты сможешь реализовать свои амбиции. Мы здесь пишем не статьи-расследования, а лайфхаки, как добиться плоского живота и упругой попы. Если хочешь, я сведу тебя с кем-нибудь из редакции “Попшека”, можешь передать тему, тогда...

– Нет, – прервала ее Юлита. – Не хочу.

Мацкович забарабанила пальцами по столу. Она теряла терпение.

– Сколько у нас вчера было посещений? – спросила Юлита. – Сто тысяч уникальных посещений, триста тысяч просмотров! В три раза больше, чем в обычный день. И все благодаря одной статье!

– Дело не в статье. Дело в доносе. При всем уважении твой текст ничего не значил. Он нужен был просто для того, чтобы люди знали, на что смотрят. Его мог школьник написать.

Юлита отвернулась. И прикусила язык.

– А ты знаешь, сколько мы получаем за один клик в рекламу? – спросила Мацкович. – Адам тебе не говорил? Тридцать пять грошей. А кликают примерно четыре процента посетителей. А теперь посчитай, какое состояние мы сколотили на этих трехстах тысячах просмотров.

Большинство коллег Юлиты называли себя “гуманитариями”. Обычно это означало не обширные познания в области литературы и искусства, а скудные познания в области математики. Юлита, дочка учителя физики и бухгалтера, считала как калькулятор. Она быстро перемножила в голове приведенные Мацкович цифры. Получилось четыре тысячи двести. Брутто. А нужно было еще вычесть из этой суммы вознаграждение за донос, гонорар фотографа из агентства...

– Чтобы этот бизнес себя хотя бы окупал, каждый из вас должен выкладывать несколько текстов в день. Если тебя нет в офисе, ты не пишешь. А если ты не пишешь, ты приносишь убытки.

– А если я буду работать над этой темой после работы? В свободное время?

Мацкович встала из-за стола, подвинула стул.

– В свободное время ты можешь быть Орианой Фаллачи¹¹, – отрезала она. – При условии, что это не повлияет на твою работу в “Меганьюсах”. Юлита... Ты хорошо работаешь, в январе будут ежегодные собеседования. Не провали их, ладно?

– Конечно. А... А если я что-то найду?

– Тогда, конечно, я это опубликую. – Мацкович замолчала, точно о чем-то задумалась. – И выдам тебе маленькую прибавку к зарплате... В размере ставки, которую мы обычно даем за присланную информацию. По рукам?

Тысяча пятьсот злотых! За один текст! Юлита долго не раздумывала.

– По рукам.

– Тогда иди, пока Адам не утомил всех до смерти.

¹¹ Ориана Фаллачи (1929–2006) – итальянская журналистка, писатель. Участница итальянского Сопротивления в годы Второй мировой войны.

Заместитель директора и правда уже приступил к одному из своих знаменитых монологов. Словно увлеченный собственным пением и не замечающий ничего вокруг глухарь, Адам предавался рассуждениям, густо приправляя их жаргоном, – таргеты, кипияй, бернрейт. И не видел ни пустых глаз, ни еле сдерживаемой зевоты.

К явному облегчению собравшихся инициативу перехватила Мацкович и начала распределять темы. Она заказала еще парочку текстов-воспоминаний о Бучеке, в том числе один Юлите, что-то о беженцах, о предстоящем бое Пудзяновского в лиге ММА и модных советах на зимний сезон. Затем настал черед нативной рекламы, то есть спонсорских текстов, замаскированных под статьи. На сей раз нужно было написать текст о превосходстве электрических зубных щеток над традиционными и как бы случайно упомянуть марку и модель, указанную рекламодателем. К счастью, это задание досталось кому-то другому. Юлита уже писала для “Меганьюсов” о всяких глупостях, но ничего она не стыдилась больше, чем заказного рейтинга томатной пасты. Знакомые до сих пор донимали ее цитатами из того текста. “Томатная паста *Pomodoro* с насыщенным вкусом и интенсивным ароматом – превосходная основа для супов и соусов. Ммм! Хоть ложками ешь!”

– Ах да, вот еще что, – вспомнила Мацкович под конец встречи. – У меня есть приглашение на премьеру фильма “Папа. Человек, ставший святым”. На сегодня, а у меня не получается... Вуйчицкая? Хочешь пойти вместо меня?

Вывернутая из задумчивости Юлита засомневалась. Вообще-то вечером она собиралась немного поработать, начать свое расследование... Хотя, с другой стороны, один день ничего не изменит, а следующий случай оказаться среди звезд может представиться не скоро.

– Конечно, хочу.

– Тогда договорились. – Начальница передала ей изящный конверт из глянцевой бумаги. – А теперь за работу.

Веслава Мачек изучала утепленные сапоги на *Allegro*. С каждым днем холодало все сильнее, в мокалинах у нее уже мерзли ноги, а у старых зимних сапог сломалась молния. Можно было, конечно, отдать их в починку, замена молнии обойдется всего в пятнадцать злотых, но носки сапог были все в царапинах, голенища потертые, а набойки держались на честном слове. Короче, овчинка выделки не стоит.

Проблема была в том, что Веслава Мачек не любила тратить деньги. Хотя и она, и муж прилично зарабатывали, а дети давно жили отдельно, она по-прежнему считала каждую копейку. Скрупулезно вырезала скидочные купоны из бесплатных газет, внимательно слушала рекламу в супермаркетах (“на этой неделе свинина стоит восемь девяносто девять за килограмм, повторяем, восемь девяносто девять за килограмм”), а старые майки резала на тряпки.

Именно поэтому к шопингу Веслава подходила основательно. Раньше она отправилась бы в поход по магазинам и рынкам, сравнивала бы цены, выискивая самое дешевое предложение. А теперь занималась тем же самым в интернете. Планшет ей подарила дочка на прошлое Рождество. Поначалу Веслава ее отругала, нечего, мол, швырять деньги на ветер, ведь можно прекрасно обойтись компьютером в библиотеке, а всю информацию выписать на листочек. Но со временем она признала, что покупка стоящая: планшет был простой в использовании, легкий и удобный. А кроме того, благодаря ему она сэкономила на бензине, который пришлось бы тратить для разъездов по магазинам.

Наконец нашелся хороший вариант. Черные замшевые сапоги до колена со вставкой из лайкры, на низком каблучке. Веслава увеличила фотографию, проведя пальцами по стеклянному экрану. Сапоги казались узкими: плохо, могут жать. Шишки на ногах были не самыми ужасными, но все же усложняли ей жизнь.

Веслава отложила планшет и взглянула на синие стопы, торчащие из-под простыни. У этого типа таких проблем явно не было, подумала она. При желании мог бы и в балетках рассекать. Если б не умер.

Ну ладно, надо поработать. Веслава поправила очки и пробежалась глазами по сделанному минуту назад описанию вскрытия. Причина смерти очевидна: травмы, полученные в результате дорожной аварии. Трещина в черепе, повреждение спинного мозга в поясничном отделе позвоночника, внутреннее кровоизлияние, долго перечислять. Но прокурор Цезарь Бобжицкий правильно сделал, настояв на вскрытии, – Веслава обнаружила некоторые нестыковки. Автомобиль был оборудован подушками безопасности, и они вроде бы сработали, но травмы были характерны для аварии с неамортизированным столкновением. Веслава предположила было, что погибший ехал на какой-то развалюхе (лет пять без техосмотра, не работающие подушки и все такое), но Бобжицкий возразил: машина была новая, очень дорогая, с документами все в порядке. Но что же в таком случае произошло? По версии прокурора, подушки могли сработать слишком поздно, с секундной задержкой. Разумеется, это должна проверить полиция, но если подозрения Бобжицкого подтвердятся, то разгорится нехилый скандал – семья погибшего может потребовать от фирмы-производителя многомиллионное возмещение ущерба. Надо будет моему рассказать, подумала Веслава. Он уже год нудел, что пора продать их “фольксваген пассат”. Машине почти двадцать лет, говорил он, самое время купить что-нибудь поновее: удобное, экологичное, безопасное. И нате вам, вот как бывает с хваленной безопасностью. Перевели завод в Китай, и все ломается, прежде чем закончится гарантия.

Веслава перелистнула страницу, начала читать следующий абзац. Естественно, она заметила нетипичные поражения пальцев – окровавленные, обломанные ногти. Получить их в ходе аварии было невозможно. Она установила, что раны были свежие и получены *in vivo*¹²: либо незадолго перед тем, как погибший сел в автомобиль, либо во время езды. Как именно это произошло, она сказать не могла, но взяла из-под ногтей пробы материала и передала их в лабораторию.

Еще Веслава Мачек обнаружила признаки селфхарма: тонкие шрамы на предплечьях, судя по всему, следы от бритвы или чего-то острого. Вот так всегда с этими актерами, подумала она, на обложках журналов все улыбаются, а стоит копнуть поглубже, так у каждого с головой не в порядке. Правда, порезы были старые, двух-трехлетней давности, и у прокурора Бобжицкого интереса не вызвали.

Веслава с чувством удовлетворения поставила в конце документа печать (проф. д. мед. наук Веслава Мачек, патологоанатом), затем достала планшет и обновила страницу магазина. “А, была не была! – решила она. – Бери. Если что, сдам”.

Юлита быстро состряпала несколько коротких текстов, чтобы выработать дневную норму, после чего приступила к большому материалу о Бучеке. Никаких конкретных указаний ей не дали (“давай что-нибудь в память о погибшем”), поэтому она решила написать статью под названием “20 лучших эпизодов «Воздушных замков»”. Во-первых, фотогалереи приносили много кликов: читателю приходилось переходить со страницы на страницу, и каждый раз высвечивалась новая реклама. Во-вторых, она заметила, что в последнее время пришла мода на ностальгию по восьмидесятым и девяностым. Группа *Spice Girls*, еще недавно голимая попса, вдруг превратилась во вторую АВБА, на хипстерской площади Спасителя все чаще можно бы увидеть усы *à la* Кшиштоф Кравчик и прически под Майку Ежовскую, по “Фейсбуку” гуляла картинка с кассетой и карандашом (“Современные дети ни за что не угадают, как связаны между собой эти два предмета!”). На волне ностальгии старые передачи с паном

¹² На живом организме, при жизни (*лат.*).

Миндалем вполне могут выстрелить. Ну а в-третьих, это была хорошая отмазка, чтобы пару часов посмотреть на работе телевизор.

Юлита нашла на *YouTube* архивные эпизоды. Какие-то она помнила еще по своему детству, другие видела впервые. Большинство были смешные. Например, тот, где пятилетний мальчик объяснял пану Миндалю, откуда берутся дети (“Это как с псёлками и съветочками, только нужна есё пиписька!”), или тот, в котором братья-близнецы, мечтавшие стать рыцарями, с визгом удирали от переодетого драконом актера.

Однако на первое место Юлита поставила эпизод с совершенно иным звучанием: семилетняя Доротка из Иновроцлава всегда мечтала покататься верхом на лошадке, но не могла – у нее были парализованы ноги. Пан Миндаль превзошел самого себя: мало того, что он притащил в студию лошадь, так еще и раздобыл где-то специальное седло с опорой для спины и ремнями, в котором девочка могла сидеть прямо. Лошадка цокала по студии, стилизованной под Дикий Запад (нарисованный задник с Гранд-Каньоном, вырезанные из картона кактусы, вигвам из палок от швабры и пледа, статисты в ковбойских шляпах), а Доротка гладила ее по гриве – и плакала, плакала, плакала. В итоге плакали все зрители в студии, и взрослые, и дети. Когда в конце передачи пан Миндаль задал свой привычный вопрос: “Я исполнил твою мечту?” – голос у него дрожал. Доротка не смогла ответить, только кивнула, губы у нее дрожали. Юлита украдкой смахнула слезу. Даже сейчас, спустя столько лет, передача задевала за живое.

Юлита доделала галерею и выложила ее в сеть. Материал быстро попал в список самых популярных статей, начал кружить по “Фейсбуку” и “Твиттеру”, ссылки на него разместили несколько сайтов-конкурентов. Юлиту это не удивило. Бульварные порталы образовывали сложную экосистему. С одной стороны, они яростно друг с другом соперничали, переходя все возможные границы в борьбе за время и внимание пользователей, а с другой – продвигали друг друга, устраивая шумиху вокруг популярных текстов.

Это порождало дополнительную активность не только на сайте, первым опубликовавшем выстреливший материал, но и на портале, разместившем ссылку на него. *Win-win*, полный симбиоз. В случае особо горячих тем это порождало еще и цепную реакцию: “Пуделек” цитировал “Козачка”, который ссылался на “Помпоник”, который ссылался на “Плотека”, который, в свою очередь, отсылал к *Fakt.pl*. В итоге текст о слишком короткой юбке на ком-то из знаменитостей обеспечивал клики не только одному, а всем четырем порталам. Вот такая интернет-алхимия.

Юлита выключала компьютер с ощущением, что она хорошо поработала. Взглянула на часы. Почти шесть вечера. Премьера начиналась только в девять, так что у нее еще полно времени, чтобы вернуться домой и переодеться во что-нибудь более привлекательное, чем леггинсы и толстовка. Оставалась одна нерешенная задача: кого взять с собой?

Раньше ответ на этот вопрос был очевиден: Рафала. Они начали встречаться еще в старшей школе, а потом он переехал за ней из Жуково. Большая любовь: телефонные разговоры шепотом, неизменно оканчивавшиеся спором, кто первый положит трубку, книги со стихами Павликовской-Ясножевской¹³ с посвящениями (“как видно, можно жить без воздуха!”), походы в кино, откуда они выходили с горящими лицами, мало что запомнив из фильма; тот самый первый раз в запотевшей палатке, на скользком от пота спальнике.

В Варшаве в их отношениях что-то разладилось. Рафал, выпускник факультета культурологии, пытался найти работу в музее, институте, различных фондах. Но смог устроиться лишь в магазин электроники, где в голубой рубашке с фирменным логотипом помогал растерянным клиентам выбрать смартфон, ноутбук или кофемашину. Зарабатывал он мало, а тратил много: аренда квартиры, проездной, счета, продукты. В Варшаве дорого было все. Состояние его счета вечно стремилось к трем цифрам, а в конце месяца – к двум, а то и с минусом. Они начали

¹³ Мария Павликовская-Ясножевская (1891–1945) – выдающаяся польская поэтесса, известная как “польская Сапфо”, прославилась, в частности, своей любовной лирикой.

частенько ссориться. Из-за того, кто на прошлой неделе покупал яйца, а кто израсходовал весь трафик, кто больше упахался на работе и устал, а кто не повесил полотенце на место.

В итоге они расстались. По-взрослому, спокойно, без криков и обвинений, по обоюдному соглашению. Рафал вернулся в Жуково, помогал отцу в автомастерской – через городок проходили две крупных трассы, поэтому на нехватку клиентов они не жаловались. Он наконец смог позволить себе машину, кожаную куртку, регулярные походы в пивную.

О Юлите забыл быстро. Сразу по возвращении нашел себе девушку, через год они обручились, через два поженились. Выложили снимки с фотосессии: нежные объятия, развевающаяся на ветру вуаль, жених указывает пальцем на общую цель на горизонте, невеста смотрит в ту же сторону, опираясь на мужское плечо.

Говорят, в больших городах время течет быстрее, но Юлита была иного мнения. Пока она искала место стажера и варила на ужин сосиски, ее знакомые, оставшиеся в Жуково, вмиг стали взрослыми: свадьба, крестины, первое причастие, фотографии с семейного отпуска на море, усы и пивной животик.

Юлита болезненно пережила их разрыв. И не столько расставание с Рафалом (чем дальше, тем больше крепла ее уверенность в том, что именно так все и должно было кончиться), сколько утрата наивной веры в любовь до гробовой доски. Относиться к новым мужчинам с таким же слепым обожанием, влюбляться в них по уши, планировать в мыслях совместную жизнь, мурлыча себе под нос марш Мендельсона, больше не получалось. У тех, кто договаривается о свидании в “Тиндере”, с этим бывают проблемы.

Сейчас Юлита ни с кем всерьез не встречалась, поэтому подумывала взять с собой какую-нибудь подружку. Но Аня болела, Веры не было в городе, а Майя сказала, что лучше уж будет смотреть, как работает стиральная машина, чем пойдет на фильм “Папа, ставший святым”. Ну что же, подумала Юлита, выключая компьютер, в крайнем случае пойду одна.

Встав из-за стола, она взглянула на Пётрека. Он подпирал голову руками, закрыл глаза, а из наушников лилась классическая музыка. На экране был открыт текстовый редактор, вверху страницы виднелся заголовок капслоком: “ОТВРАТИТЕЛЬНЫЕ СНИМКИ КАРИЕСА! ЭТИ ЛЮДИ ТОЧНО НЕ ПОЛЬЗОВАЛИСЬ ЭЛЕКТРИЧЕСКИМИ ЩЕТКАМИ!” Под заголовком было пусто, только белый фон и мигающий курсор. Юлита и Пётрек были знакомы два года и дружили. На корпоративах садились рядом, вместе обедали, обсуждали начальство. Но если она его пригласит, он сразу решит, что это свидание. Хотя... Может, это не так уж плохо.

– Эй, Пётрек. Пётрек!

– А? Что? – Тот подскочил на стуле, снял наушники.

– Хочешь со мной пойти на “Папу”?

– Какого такого папу?

– Ну в кино. На фильм. О папе римском?

– Ааа, это... – Пётрек взглянул на нее, потом на компьютер. – Я бы с радостью, но мне надо закончить этот чертов текст о зубных щетках...

– Премьера в девять. У тебя еще куча времени.

– В общем, да... Ладно, ускорюсь. Как договоримся?

– Без десяти у входа в “Мультикино”?

– Окей. Тогда... до встречи.

– Пока, – сказала Юлита, надевая куртку.

Стоя на остановке с телефоном в занемевших ладонях, она пыталась понять, что на нее нашло.

Юлита взглянула на свое отражение в зеркале и удовлетворенно кивнула. На ней было простое черное платье. Вроде скромное (ниже колена, вырез неглубокий), но обтягивающее, подчеркивающее фигуру. К платью чулки со швом, черные туфли на каблучке, изящная бижу-

терия. Она выглядела хорошо. Настолько хорошо, что мужики, сворачивающие себе шеи на улице, вряд ли поверили бы, что когда-то она комплексовала из-за своей внешности.

Она поднялась на лифте на третий этаж, металлические двери бесшумно открылись. Шел дождь, вода стекала по пузырчатой крыше торгового центра, образуя потоки и водопады. Юлита не могла понять, почему здание называли “Золотые террасы”. Скорее уж “Голубые ухабы” или “Стеклянная хала”.

Юлита шла вдоль ограждения, цокая каблуками. Ниже, на этажах с магазинами, жизнь уже замирала. Продавцы тушили свет, опускали металлические жалюзи, растаяли стайки школьников, выдающих себя за старшеклассниц, и старшеклассниц, строящих из себя студенток, исчезли увешанные пакетами туристы. С другой стороны застекленного холла сияли логотипы сетевого фитнес-клуба и расположенного по соседству “Макдональдса” – инь и ян наших дней.

Пётрек ждал в условленном месте. В голубом костюме в полоску, серой рубашке и черном галстуке он тоже выглядел весьма недурно. Юлита даже готова была простить ему усики.

– Приветствую восходящую звезду интернет-журналистики, – произнес он, склонившись в глубоком поклоне.

– Не завидуй.

– Я? И чему же?

– Знаю я твои шуточки. – Юлита достала из сумочки приглашения, показала их билетеру. – Давай лучше хвастайся, как там статья про щетки.

– Написана. В муках, но написана. А ты знаешь, что благодаря сочетанию вращения и пульсации сменная насадка модели ХС-100 гораздо эффективнее изделий конкурентов?

– Невероятно.

– Информация предоставлена производителем. С оговоркой, что ее необходимо добавить в текст.

– Жажду услышать подробности.

Они прошли мимо закрытых касс, зашли в зал. Организаторы премьеры из кожи вон лезли, чтобы превратить сетевой кинотеатр в храм десятой музыки: пол был устлан красными ковровыми дорожками, повсюду стояли коктейльные столики, накрытые белыми скатертями, между элегантно одетыми гостями вышагивали вытянутые в струну официанты с шампанским. Но в воздухе все еще витал маслянистый запах попкорна, а на полу здесь и там виднелись пятна прилипшей жвачки. Юлита углядела в толпе нескольких актеров, режиссера и известную блогершу. Начала машинально приглядываться, что у кого торчит или просвечивает, но тут же опомнилась и отвернулась. Она не на работе, не надо делать вид, что ее это интересует.

– Вообще-то я не шутил, – сказал Пётрек, умелым жестом ухватив с подноса два бокала шампанского. – Ну, может, совсем чуть-чуть. Но мне правда кажется, что ты идешь в гору.

– Правда? А Мацкович утром сказала, что мою статью мог написать любой школьник.

– Но потом она выдала тебе эти приглашения.

– Ну да. Потому что сама не могла пойти. Тоже мне награда.

– Ой, Юлита, Юлита... – Пётрек со вздохом возвел очи к покрытому сотнями маленьких диодов потолку. – Ты вообще не сечешь в офисной политике. Она дала тебе это приглашение на совещании, при всех. А пятью минутами раньше вы сидели в ее кабинете. Почему она не сделала этого там?

– Потому что забыла.

– Мацкович? – фыркнул Пётрек. – Я тебя умоляю. Она все планирует на неделю вперед. Она дала тебе билеты на совещании, чтобы все это видели. Тебя благословили.

– И на что же?

– Сорока на хвосте принесла, что Адам планирует уволиться, – сказал Пётрек. – Наталия случайно подслушала, как он разговаривает с эйчаром. Он потом полчаса круги вокруг здания наворачивал с телефоном у уха. Вскоре придется искать нового зама... Или замшу.

– Не может такого быть, – отмахнулась Юлита, втайне надеясь, что она ошибается. – Мне двадцать семь лет.

– Мацкович было двадцать девять, когда она впервые стала начальницей.

– Да ну, это ничего не значит. – От кислого шампанского щипало язык. – Другое поколение, другие времена. Тогда достаточно было иметь хоть какой-нибудь диплом, уметь пробубнить хау-ду-ю-ду, сенк-ю-вери-мач, и – вуаля! – пять тысяч на руки.

– У тебя своя правда, у меня своя, – пожал плечами Пётрек. – Ладно, допивай шампусик и идем, а то все места займут.

– Если я это допью, то займу место в туалете. Подожди, я поставлю куда-нибудь бокал и...

– Кого видят мои старые глаза!

Юлита повернулась на знакомый голос. Твидовый пиджак, очки в тонкой оправе, прикрывающая лысину прядь. Вальдемар Друкер. В прошлом он был выдающимся журналистом-расследователем, теперь же посвятил себя преподаванию и написанию пессимистических прогнозов на “Фейсбуке”. К тому же он был научным руководителем Юлитиной дипломной работы. “На линии фронта: этика военной журналистики на примере освещения Второй гражданской войны в Судане, 1983–2005”.

– Это сколько же я вас не видел... – Друкер пожал ей руку, все еще влажную от бокала. – Года три, верно? Ну и как, удалось найти работу по профессии?

– Удалось.

– О, мои соболезнования. Вам платят?

– Что-то там платят.

– Уже хорошо. И что интересного вы написали за последнее время?

– Простите, что вмешиваюсь... – начал Пётрек, – но показ вот-вот начнется...

– Видите ли, концовка известна уже из названия, так что мы не много потеряем. Кроме того, если вы видели хотя бы одну канонизацию, то считайте, что видели все.

– Пётрек, прости... – Юлита еле сдержала улыбку. – Ты иди вперед, а я тебя догоню. Хорошо?

Пётрек был явно не в восторге, но кивнул и отправился в зрительный зал. Друкер облокотился о барную стойку и махнул проходившему мимо официанту.

– Добрый человек... Не найдется ли у вас какого-нибудь пристойного алкоголя? Может, какое-нибудь вино, только – боже упаси – не отечественного производства? Цвет любой.

– Есть, но угощать гостей вином мы будем только после показа...

– Вы меня огорчили. Это слишком отдаленная перспектива. – Друкер достал из внутреннего кармана пиджака кошелек, вытащил банкноту в пятьдесят злотых. – Не сумеете ли вы ее хоть немного приблизить?

– Я... Посмотрим, что можно сделать.

– Буду благодарен по гроб жизни. Но предупреждаю, что долго наслаждаться моей благодарностью вам не придется.

Официант исчез за барной стойкой, а через минуту уже откупоривал бутылку.

– Эх, пани Юлиточка... Сколько раз я говорил, что если вам так уж хочется ввязываться в умирающую профессию, то нужно становиться бортником, по крайней мере контакт с природой...

– Увы, бортники не берут стажеров.

– Потому что люди они приличные. Эх... Вы хоть что-нибудь интересное написали?

– Ничего, – пожала плечами Юлита. – Разве что вам нравятся квисы.

– Признаюсь, не очень. Но я надеялся, что, может... – Друкер прервался и кивком головы поблагодарил официанта, поставившего перед ними бокалы. – Ну что ж. Такие времена. Поднимем бокалы, пани Юлита. За смерть прессы.

Юлита взяла свой бокал. В винах она не разбиралась, но это вино ей понравилось. Тяжелое, густое, с приятным послевкусием.

– Хотя у меня есть один сторонний проект.

– Проект, говорите? О... Я весь внимание.

– Вы слышали о смерти Бучека? Рышарда Бучека?

– Разумеется. Об этом трубили отовсюду.

– Ну так вот... Мне кажется, это была не авария.

– Во-первых, фразу не начинают со слов “ну так вот”. – Друкер погрозил ей пальцем. – Во-вторых... Прошу вас, продолжайте.

Фильм подходил к концу. Из кинозала доносилось надрывное пение тысячи скрипок и пятисот виолончелей в сопровождении оперного *sa-a-a-anto su-u-u-ubito*¹⁴. Близилась кульминация – вознесение. Юлита все еще беседовала с Вальдемаром Друкером. Бутылка вина, принесенная официантом, стояла пустая.

– Все это звучит очень интересно, – сказал Друкер. – И что вы намерены делать дальше?

– Честно говоря... У меня даже не было времени об этом подумать. Я собиралась позвонить родственникам Бучека, его друзьям, узнать, не было ли у него в последнее время проблем.

В кинозале раздались аплодисменты. Спустя мгновение двери распахнулись, и шумная толпа устремилась в сторону буфета. Столы были уставлены типичной для подобных мероприятий едой: холодные вареники, теплые суши, святая троица фруктовых соков в высоких стаканах: яблоко, апельсин, грейпфрут.

– Идея неплохая. Но... Хотя нет, не хочу влезать. Вам наверняка уже надоели древние старцы, которые все всегда знают лучше всех.

– О да. Но вас я к ним не отношу.

– Пани Юлиточка, я бы покраснел, не будь я уже красным от выпитого. Вы правда хотите услышать то, что я вам скажу?

– Правда.

Друкер поднес бокал к губам и терпеливо ждал, пока стечет последняя капля вина, после чего вытер рот манжетой пиджака.

– Если вы подозреваете, что это была не просто авария, вам нужно прежде всего выяснить, как именно она произошла. Полиция не станет с вами разговаривать, записей камер наблюдения вы тоже не получите... В общем, вам нужно найти свидетелей. Причем быстро, иначе они успеют забыть, что, собственно, видели.

– Хм-м... На местном канале показывали интервью с типом, который ехал за Бучеком. Его еще как-то смешно звали...

– Вот и замечательно, – улыбнулся Друкер. – Удача на вашей стороне. За работу.

– Но он не сказал ничего интересного. – Юлита переминалась с ноги на ногу, от каблучков болели стопы. – Джип ехал слишком быстро, не вписался в поворот...

– Он не сказал ничего интересного, потому что никто не задавал ему интересных вопросов. Пани Юлита... Я бы сказал, что думаю о современных СМИ, но, во-первых, вы это и так прекрасно знаете, а во-вторых, не пристало материться на премьере фильма о папе римском, ведь это почти что литургия.

Юлита машинально бросила взгляд на актера, который сыграл выдающегося поляка, покровителя тысячи школ. Он как раз позировал для селфи с восторженной поклонницей. И счел уместным высунуть язык.

¹⁴ “Святой сразу” (*итал.*). Когда папа Иоанн Павел II находился при смерти, толпы верующих скандировали “*Santo subito!*”, требуя его немедленной канонизации.

– Так или иначе... – продолжал Друкер, – если вы воспринимаете это расследование всерьез, вам придется забыть о том, чему вы научились в этих ваших турбоньюсах, и взяться за дело по старинке. Другими словами: оторвать жопу от стула и отправиться в город.

– Вы собирались не ругаться.

– Да ладно вам, “жопа” не считается. Не пытайтесь быть святее папы, уж точно не сегодня.

– Посыпаю голову пеплом. А что касается оторвать жопу от стула... Ну да, знаю, знаю. Только не так-то это просто, ведь в течение дня я прикована к рабочему месту.

– Вы наверняка что-нибудь придумаете, – ободрил ее Друкер. – Но сейчас я сосредоточился бы на другой весьма непростой задаче: как попросить прощения у того молодого джентльмена, которого вы оставили с носом. Судя по выражению его лица, вам придется нелегко...

– Ох черт, Пётрек... Я совершенно о нем забыла...

– Тш-ш-ш-ш. – Друкер выпрямился, поправил лацканы пиджака. – Кхм... И как вам, уважаемый, фильм?

– Действительно, никаких сюрпризов, – ответил Пётрек. – Разве что продолжительность. Зато сидеть было весьма удобно, мне ведь достались целых два места.

– Прости меня, пожалуйста. – Юлита захлопала ресницами, сложила губки подковкой. – Мы заболтались, ну и как-то так вышло...

– Ничего страшного, не буду вам мешать. Я хотел только попрощаться.

– Я думала, мы вернемся вместе?

– Я думал, мы вместе пойдем в кино.

– Я вас оставлю, – сказал Друкер. – Пани Юлита, всего хорошего. Держу за вас кулаки.

Воцарилась неловкая тишина. За соседним столиком начиналась основная часть вечеринки: актер, сыгравший то ли Дзивиша¹⁵, то ли Вышинского, воздел бутылку водки над головой, словно потир, и, в точности подражая мелодике церковной службы, пропел ломающимся фальцетом:

– Напье-е-емя-я-я же... Из горла и из бока-а-а-ало-о-ов...

– А-а-а-ами-и-и-инь, – ответил ему актерский хор, подставляя рюмки. Судя по тому, как быстро актеры вошли в роль, им уже не раз случалось проводить этот обряд. Смахивало на традицию со съёмочной площадки.

Юлита с трудом удержалась от искушения достать телефон и заснять всю сцену. Вот кликов бы было... Мало что люди любят так, как повозмущаться. ШОК! АКТЕРЫ НАСМЕХАЛИСЬ НАД ПАПОЙ ПОЛЯКОМ [ФОТО! ТОЛЬКО У НАС].

– Ладно, пошли, – сказал Пётрек. – Уже поздно, а завтра на работу.

Машина Пётрека выехала с подземной парковки, повернула на улицу Эмилии Плятер. Юлита протерла запотевшее окно. На здании Цепелии, как всегда, стоял надувной герой какого-нибудь детского фильма: на сей раз шестиметровый розовый енот-полоскун в ковбойской шляпе. Прикованный к крыше стальными тросами, он напоминал Гулливера, связанного лилипутами. Офисное здание за Ротондой было полностью скрыто под огромной рекламой сети магазинов одежды: красивые люди выражали свою индивидуальность при помощи джемперов из осенней коллекции. Сама же Ротонда находилась на реконструкции: оригинальное здание снесли, а на его место водрузили стальной скелет.

Юлита отвернулась от окна. Пётрек по-прежнему дулся и молчал. Она пыталась просить у него прощения в лифте, но он не дал ей договорить. Дурацкие шуточки, которыми она надеялась разрядить обстановку, игнорировал, хотя мог бы вздохнуть или на худой конец закатить

¹⁵ Станислав Дзивиш (1939) – польский кардинал. С 1966 по 2005 год был личным секретарем Кароля Войтылы, будущего папы римского Иоанна Павла II.

глаза (“А эту знаешь: как можно выдержать десять дней без сна? Спать по ночам”). Увы и ах. Она понимала, что винить может только себя.

Они въехали на площадь Конституции. Соцреалистические статуи шахтеров, металлургов и каменщиков поигрывали мускулами в мягком свете неоновых вывесок. В конце улицы уже виднелась площадь Спасителя, непривычно пустая без “Радуги”¹⁶; на выходе из баров толпились люди – модно одетые, модно подстриженные, с электронными сигаретами в бутоньерках. Юлита и Пётрек свернули на Варынского.

Юлита размышляла, уместно ли достать телефон и проверить почту. Но пришла к выводу, что станет только хуже, поэтому, чтобы хоть чем-то занять мозг, начала разглядывать автомобиль Пётрека. В кармане пассажирской двери лежали диски с аудиокнигами, литературный репортаж и классика XIX века. В пепельнице – скатанные в шарики рекламки эскорт-агентств и конфетные фантики.

Они проехали мимо окутанного мраком Мокотовского поля, свернули на улицу Белый Камень. Вдоль нее тянулся новомодный жилой комплекс: трехэтажные здания, увитые плющом, застекленные лоджии с видом на парк. На первом этаже рестораны, которые именовались не – боже упаси – ресторанами, а как-нибудь поизысканнее: “траттория”, “бистро” или “фудстор”. И, разумеется, металлический забор вокруг подъездов.

– Вы прибыли в место назначения, – объявил телефон синтетическим голосом, прервав наконец неловкую тишину.

– Ты здесь живешь? – спросил Пётрек, вертя головой во все стороны. – Реально?

– Ага.

– Пожалуй, пора мне поговорить с Мацкович о прибавке.

– И правильно. За текст о зубных щетках тебе точно положена премия.

Пётрек ничего не сказал. Не улыбнулся, даже не взглянул в ее сторону. Юлита застегнула плащ на все пуговицы, положила сумочку на колени.

– Слушай... Мне правда жаль, что... Ну ты понимаешь. Так уж получилось.

– Хреново получилось.

– Прости. Просто... Дело Бучека мне очень важно, а Друкер – выдающийся журналист, у него есть опыт, связи, он был готов мне помочь, и... я увлеклась.

– На три часа? Я тебя умоляю... Вот только не надо мне лапшу на уши вешать. Ты позвала меня с собой, потому что больше никого не нашла, а стоило тебе увидеть знакомого, как ты бросила меня на поклонников понтифика. Ты хоть на секунду задумалась о том, что... – Пётрек умолк на середине фразы. – Ладно, слушай, уже правда поздно. Иди давай в свой пентхаус. Сладких снов.

Юлита кивнула, открыла дверь... и вдруг положила руку на затылок Пётрека, притянула его к себе, поцеловала. Шея у него была потная, горячие губы потрескались, а усы щекотались.

Он отстранил ее аккуратным, но решительным движением. Юлита чувствовала, как у нее пылают щеки.

– Ох, – сказал Пётрек, – кажется, мы друг друга не поняли.

– Что? О чем ты?

Пётрек открыл рот, словно хотел что-то сказать, но в итоге лишь махнул рукой.

– Ну что?

– Юлита... Поговорим завтра, хорошо? Но... ты не очень-то наблюдательна для подающего надежды журналиста-расследователя.

– Э-э-э. Ну спасибо.

¹⁶ “Радуга” – инсталляция художницы и перформансистки Юлиты Вуйчик, стоявшая на площади Спасителя в Варшаве в 2012–2015 годах и воспринимавшаяся многими как символ толерантности и борьбы за права сексуальных меньшинств. За это время ее семь раз пытались сжечь представители ультраправых польских движений.

Юлита хлопнула дверью и направилась к дому, яростно стуча каблуками. Набрала код домофона, открыла калитку во двор (а точнее, “патио”, как настаивала администрация здания) и зашла в выложенный мрамором подъезд. И только в лифте остыла настолько, чтобы подумать о том, что сказал Пётрек.

Вернувшись из отпуска, он не выкладывал фотографий на “Фейсбуке”, ничего не рассказывал. Никогда не приходил на корпоративы с девушкой, зато прекрасно танцевал. Отвечая на телефонные звонки, всегда выходил в коридор, разговаривал шепотом. Единственный из всех парней в офисе не пялился Наталии в декольте. Юлита покачала головой. Да уж, они действительно друг друга не поняли. Она с укоризной посмотрела в зеркало, на свои пунцовые щеки, размазанный макияж. Вот дура.

Юлита повернула ключ в замке, открыла дверь. Гостиную заливал голубой свет телевизора. Ее сестра Магда расположилась на диване, укрывшись пледом. Ноги на кресле, в руке стакан с коктейлем. Третью темного рома, треть колы без сахара и треть льда, а сверху ломтик лимона.

– Как свидание? – спросила Магда, не отрывая взгляда от экрана.

– Прекрасно, – Юлита сбросила туфли, сунула ноги в войлочные тапочки. Каменный пол был ледяной. – Мы просто созданы друг для друга. Завтра утром бронирую церковь. Вот только не решила какую – Святой Анны или Сакраменток.

– Что, прям так плохо?

– Угу. – Она открыла холодильник. Ее полка, как обычно, зияла пустотой. Пометавшись между кусочком масла, морковкой, успевшей примерзнуть к задней стенке, и открытым пять дней назад йогуртом, Юлита решила лечь спать без ужина.

– Ты хочешь об этом поговорить?

– Нет, нет, нет. О господи, нет. – Юлиту передернуло. – Я спать. Пока.

– Погоди, погоди. Еще кое-что.

– Ну?

– Ты снова оставила посуду в раковине.

Юлита вздохнула. Сейчас? Да ладно...

– Прости, – сказала она так вежливо и покорно, как только умела. – Я торопилась на премьеру.

– Две минуты тебя бы спасли?

Юлита прекрасно знала этот вопрос. Он действовал на нее, как красная тряпка на быка.

– Ты серьезно? Решила в мамочку поиграть? Нотации мне почитать?

Магда поставила фильм на паузу и встала с дивана. На ней были серые спортивные штаны в пятнах и элегантная рубашка в темно-синюю полоску, в ушах поблескивали жемчужные сережки. Она напоминала персонажа из древнегреческого мифа: наполовину домашняя курица, наполовину бизнес-леди.

– Вот именно. И буду их тебе читать, пока ты живешь под моей крышей.

– Я плачу тебе за комнату.

– Да, и мне плевать, что происходит в твоей комнате, хоть шампиньоны там выращивай. Но кухня – другое дело. Знаешь, во сколько я сегодня вернулась домой? В девять вечера. И пригоревшая кастрюля в раковине – это последнее, что мне хотелось увидеть.

– И какое будет наказание? Гулять непустишь? Денег на мороженое не дашь? Или мне постоять в углу и подумать над своим поведением?

– Было бы неплохо, но я не питаю иллюзий. – Магда добавила лед в стакан, налила ром. – Просто не оставляй после себя срач. Окей?

– Окей.

– Вот и отлично. Тогда сладких снов.

Юлита прошла мимо детских спален (слева жила семилетняя Сашка, справа – четырех-летний Войтусь), игровой, кабинета и наконец зашла в ванную. Она жила у сестры больше полугода, но никак не могла запомнить, где какой выключатель, а потому нажимала их все по очереди: сначала включилась подсветка джакузи, потом душевой кабины и, наконец, лампочка над зеркалом. Юлита смыла макияж и взяла в руки зубную щетку: обычную, без вращения и пульсации. Сплюнула розовую от крови пасту.

Ее комната задумывалась как гостевая. Раскладной диван, письменный стол из “Икеи”, встроенный шкаф, на стенах фотографии из поездки в Африку в рамках из черного дерева. Магда с зеброй. Магда с гиппопотамом. Магда с масаи в клетчатых нарядах.

Погасив свет, Юлита легла в кровать и пыталась не шевелиться в надежде заснуть. Пружины впивались ей в спину, голова гудела. Она нащупала телефон и открыла “Фейсбук”.

Юлита повесила плащ на спинку кресла и нажала на кнопку. Ввела пароль – “*zukowo1990*” – и терпеливо ждала, пока загрузится компьютер. Наконец появился рабочий стол, утыканный иконками. ГОТОВЫЕ_ТЕКСТЫ, СТАРЫЕ_НЕНУЖНЫЕ, В_РАБОТЕ. Юлита кликнула правой кнопкой, создала новую папку. БУЧЕК.

По совету Друкера начала со свидетеля. Быстро отыскала в Сети видео, в котором он описывает аварию. Парень лет тридцати. Темные зачесанные на бок волосы, двухдневная щетина, нос с вмятинами от очков, горчица в уголках губ... К счастью, внизу экрана были указаны его имя и фамилия. Юлита вбила в поисковик: Леон Новинский.

“Результатов: примерно 387”, – сообщил *Google*. Первой строчкой выскочила страница со списком участников январского восстания 1863 года (“Леон Новинский, пал в битве под Негожево, 1863”), второй – архивные объявления из “Дзенника Лодзского” (“Леон Новинский, химическая фабрика, производит: технические масла, средства для красильного цеха. Петровская, 128, телефон 747”).

Третий результат: профиль на *LinkedIn*. Клик. На фото тот же парень, что и в видео, только выбритый и улыбающийся. Профессиональные навыки: графика 2D, 3D, проектирование интернет-сайтов. Должность: креативный дизайнер в ООО “*DietPol*”. Название фирмы звучало странно, напоминало имя камбоджийского военного преступника, но, перейдя по ссылке, Юлита выяснила, что это отечественный производитель диетических продуктов: овощные соки, пирожные из амарантовой крупы и всякое такое. Адрес: Ягеллонская, 68, Варшава. Чуть ниже – телефон. Бинго.

– Ну, не знаю. – Михал скривился. В его очках отражалось свечение монитора.

– Нужно было что-то молодежное, – Леон еще пытался защищаться, хотя понимал, что дело проиграно. Он прекрасно знал этот тон. Файл “*sok_v22_final.psd*”, вопреки чаяниям, отраженным в его названии, придется менять. И не раз. Человек-бочка квашеной капусты еще не знал, что его ждет, и по-прежнему широко улыбался, подняв большой палец вверх.

– Вот именно. А разве дети сейчас ездят на скейтбордах? Скорее уж на самокатах или на этих, как их, досках с моторчиком...

– Гироскутерах?

– Точно.

– Окей. То есть ты бы предпочел бочку квашеной капусты гироскутеру?

– Нет-нет, Леон, это было так, для примера. – Михал выпрямился, поправил галстук, застрявший в держателе для магнитной карты. – В конце концов, художник у нас ты. Я не хочу указывать тебе, что делать, просто хочу помочь найти нужный образ. Ты должен почувствовать *ownership*, по-настоящему оунить проект.

Леону пришлось закрыть глаза, чтобы никто не заметил, как он их закатывает. Михал недавно прошел обучение по курсу “Менеджмент 3.0”. К несчастью, он принял его слишком близко к сердцу.

– Тогда как тебе бочка на пого-стике?

– Интересный ход мысли. Слушай, давай так договоримся...

Дверь в комнату открылась. На пороге стояла Илона, секретарша. Толстые линзы и тонкие волосы.

– Леон, тебя к телефону.

– Хм? А кто звонит?

– Журналистка. По поводу аварии.

– Скажи, что меня нет.

– Я сказала. Она перезвонила через минуту.

– Иди, Леон. – Михал похлопал его по плечу. – Я подожду.

Леону не хотелось говорить об аварии. Но говорить о бочке на пого-стике хотелось еще меньше. Ну ладно, хотя бы оттянет разговор на пару минут. Он подошел к столу Илоны, поднес трубку к уху.

– Алло?

– Леон Новинский? – услышал он женский голос. Красивый голос.

– Да, это я.

– Отлично. Меня зовут Юлита Вуйчицкая. Я журналист портала *Meganewsy.pl*. Звоню по поводу аварии Рышарда Бучека.

Фамилия девушки звучала знакомо. Леон вспомнил текст, который показал ему Игнаций. Большие красные буквы, восклицательные знаки, фото раскуроченной машины.

– Угу. Я читал вашу статью.

– О? Видите ли, я хочу продолжить эту тему...

– Зачем? Дно еще не пробито?

Минута молчания, шумы в трубке.

– Я понимаю, что мой текст был написан специфическим языком желтой прессы, но клянусь, я всерьез намерена...

– Специфическим? – переспросил Леон. – Я бы выбрал другое прилагательное.

– Я понимаю и уважаю ваше мнение.

– В таком случае прошу больше мне не звонить. У меня нет ни малейшего желания с вами разговаривать. Я ясно выразился?

– Пожалуйста, подождите! У меня есть все основания подозревать, что...

– До свидания.

Bip, bip, bip. Юлита положила трубку и тихо выругалась. Набрала номер еще раз. Никто не ответил. Попробовала с другого телефона. Услышав ее голос, секретарша *DietPol* бросила трубку. Ну и ладно, найдем кого-нибудь посговорчивее. В другом видео с места аварии она видела припаркованный на обочине городской автобус. Можно пробить номер, позвонить в транспортное управление, узнать, кто в тот день сидел за рулем.

Юлита нашла видео с автобусом, начала перематывать запись. На заднем плане увидела знакомое лицо: Новинский. Мобильник возле уха, опирается на желтую “шкоду октавию”. Его собственный автомобиль. Юлита смотрела на экран, борясь с мыслями, а затем встала из-за компьютера и заблокировала клавиатуру.

Пришло время оторвать задницу от стула.

3

Выбор в итоге пал на бочку на роликах. Леон Новинский внес последние изменения в файл *"sok_v22_final_poprawki_2.psd"*, после чего отправил его в типографию. Завтра с самого утра заработают печатные станки, выплевывая тысячи цветных этикеток. Игнаций вносил последние коррективы в план рекламной кампании. Человечка-бочку с челкой из капусты будут звать Дон Квашон, а его изображение со слоганом "Квась по-модному!" появится в спонсируемых фирмой *DietPol* скейт-парках в Седльце, Комине, Замостье. Пробыться в Варшаву или Краков они даже не пытались, понимая, что им никогда не обойти крупные международные концерны.

Леону не очень нравилось название "Дон Квашон": игра слов, конечно, забавная, но что общего у их продукта с Испанией? Сложно себе представить напиток, менее подходящий Иберийскому полуострову, чем сок из квашеной капусты. Но ссориться с Михалом он не собирался. Все равно что сражаться с ветряными мельницами.

Леон сел в машину. Уже темнело, на улице моросило. Съезжая на Ягеллонскую, он включил дворники. Вдруг прямо перед его машиной на дорогу выбежала девушка. Мокрые волосы, плащ нараспашку, полные ужаса глаза.

– Ох черт... – прохрипел Леон, вдавив педаль тормоза в пол. Взвизгнули шины, по коврику перекатилась пустая банка, ремень безопасности вдавил его в спинку сиденья. Автомобиль остановился. Леон был весь в поту. И в бешенстве. Включил аварийку, открыл дверь.

– Ты охренела, что ли? – заорал он. – Еще чуть-чуть, и я б тебя раздавил к чертям собачьим! Что, до пешеходного перехода лень дойти? Да я тебя...

– Я ужасно извиняюсь. – Девушка глотала слезы и судорожно хваталась за живот. – Я... Мне пришлось вас как-то остановить... Мне нужна помощь.

– По... помощь? – Леон растерялся. Проезжающая мимо машина окатила его водой.

– Я... – Голос застревал у девушки в горле, рвался. – Аппендицит... У меня приступ... Мне прямо сейчас надо в больницу, а я не могу дозвониться до "скорой"... Мне некого попросить...

– Понятно... Понятно... Конечно. Садитесь.

Леон взял женщину под локоть, помог ей сесть в машину. Ее трясло. Он пристегнул ее ремнем, проследил, чтобы тот не сильно давил на живот, аккуратно закрыл дверцу. Потом сел за руль, включил первую и выехал на проезжую часть, проигнорировав знак "уступи дорогу".

– В какую больницу ехать? – спросил он, перекрикивая клаксон.

– На улицу Батальона Платерувок. Ай...

– Платерувок? Где это?

– Недалеко. – Девушка прислонилась лицом к холодному стеклу, стекло запотело от ее прерывистого дыхания. – Пок... Я вам покажу. Ох. Прямо, на круговой перекресток... На перекрестке надо развернуться...

Леон перестроился на полосу для поворота, втиснувшись между машиной доставки из Люблина и "бэ-эм-вэ" с затемненными стеклами. Через мгновение он был уже на перекрестке, проскочил под носом у бешено звонящего трамвая и развернулся.

– А теперь куда? – спросил он, переключая передачу. Вспотевшая ладонь скользила по рычагу.

– Прямо... Ай... До...

– Все в порядке?

– Да. Прямо, до торгового центра...

За окном мелькали неуклюжие тяжелые дома: бурые многоквартирные, двухэтажное офисное здание с треугольной надстройкой из голубой жести, склады с облупившейся штукатуркой. А

за ними: жестяные ангарты в серые и оранжевые полоски со светящейся рекламой магазинов на крыше.

– Вот здесь... Направо... – говорила девушка, делая глубокие вдохи между словами. – Приемная в самом конце... А-а-а-а...

Леон повернул на улицу Платоруков. Они ехали по прохуdivшемуся асфальту, потом по брусчатке; на каждой выбоине девушка прикусывала от боли губу. По обеим сторонам дороги тянулись пустые парковки.

– Так... Где эта больница?

– Там... За перекрестком...

Леон проехал еще метров двадцать, после чего остановился. Иного выхода у него не было: улица была тупиковая и упиралась в закрытые на ржавую цепь ворота. Здесь стояло одно-единственное здание, перед которым припарковались три фуры с белорусскими номерами. Надпись над входом гласила: “СКЛАД НЕРЖАВЕЮЩЕЙ СТАЛИ”.

– Наверное... – Леон вертел головой. – Наверное, мы куда-то не туда свернули?

– Нет, нет. Мы на месте, – девушка выпрямилась в кресле, чудесным образом исцелившись. – Мы с вами уже имели удовольствие разговаривать по телефону, но разрешите представиться еще раз: Юлита Вуйчицкая, *Meganewsy.pl*.

– Но... Аппендицит?

– Мне его вырезали в тринадцать лет. Простите, что я вас так обманула, но...

– Да ладно... Да ладно?! Ты что, совсем охренела?!

– Еще раз: простите, пожалуйста, за то, что...

– Да прекрати уже мне выкать, дура ненормальная! – Леон вскипел. – Проваливай из машины! Пошла!

– Конечно. Но сначала я бы хотела задать вам...

Леон не слушал. Включил заднюю, начал выворачивать руль.

Но автомобиль вдруг крякнул, остановился и заглох. Юлита затянула ручник.

– Ну нет. Это уже слишком... – Он умолк, пытаясь подобрать нужное слово. – Слишком, и все тут! Я звоню в полицию!

– И что вы им скажете? “У меня в машине сумасшедшая, отказывается выходить”?

Леон откинулся в кресле, подавленный и злой.

– Выслушайте меня. – Она говорила медленно и спокойно. – Я задам вам пару вопросов и обещаю, что вы меня больше не...

– А что, читатели жаждут подробностей? Мало им? Хотят больше жести? Хотят знать, что Бучек сломал, а что, блядь, нет? Я фигейю... Как так можно? Человек же погиб!

– Да, погиб. И именно поэтому это важно. Я хочу выяснить, что, собственно, произошло.

– Как что? Полиция уже сделала заявление: он попал в аварию.

– Вы уверены? – Юлита взглянула ему в глаза. – На сто процентов?

Леон не ответил. Ветер раскачивал цепь, и та со звоном ударялась об ворота. Тополя на обочине дороги тихо роняли свои листья.

– Давайте поговорим в каком-нибудь спокойном месте, – прервала тишину Юлита. – Я отниму у вас всего пару минут, обещаю.

Леон долго молчал, не глядя на нее. Наконец включил мотор.

В районе Пельцовизна выбор кафе был невелик: столовки в подвальных помещениях, где из колонок льется адская попса, а отбивная размером с тарелку, жестяные будки с восточной тайско-вьетнамско-китайско-японской кухней, где заодно подают кебабы и картошку фри, да прокуренные тошиловки с рекламными слоганами типа “обеда как у мамы” – детство у их клиентов явно было не из легких.

Леон подъехал к наименее отталкивающему из всех окрестных заведений, армянскому ресторану “Севан”. Иногда он приходил сюда на ланч с Игнацием, и проблемы с животом

настигли его лишь однажды, что на фоне местных конкурентов можно считать хвалебным отзывом. Интерьер был маняще отвратительный. На обитых вагонкой стенах висели вышитые арабесками ковры, а точнее – их фотографии, напечатанные на матовой бумаге. Под потолком некий последователь Никифора¹⁷ нарисовал выющийся виноград, в люстре перегорела половина лампочек, из кухни разило прогорклым маслом и жареным луком. Леон и Юлита сели за столик в углу, на выложенные подушками лавки. Официантка принесла меню, они заказали кофе. Кроме них в кафе было только несколько парней в черных толстовках с капюшонами.

– Ты могла просто подкараулить меня у офиса, – буркнул все еще злившийся Леон. – А не цирк с конями устраивать.

– Могла. Но положила руку на сердце, вы бы вряд ли со мной...

– Я же сказал, хватит мне выкать.

– Как скажешь, – кивнула Юлита. – Так вот, положила руку на сердце, если бы я представилась на паркинге, ты бы согласился со мной поговорить?

– Нет, – нехотя признался Леон. – Я бы прогнал тебя взащей.

– Вот именно. По телефону так и прозвучало. Я понимала, что мне нужно время, чтобы тебя убедить, поэтому решила подойти к проблеме творчески. Женщине в слезах никто не откажет, я знала, что тыпустишь меня в машину...

– А улица Платоруков?

– Тупик, мощеная улица... Заехать туда можно, а выехать сложно. А еще это несколько дополнительных минут на то, чтобы тебя уговорить.

– А тебе не приходило в голову, ну, не знаю, что ты могла напороться на психа? И кто знает, что он сделает, как только окажется с тобой в этой дыре?

– Приходило, конечно. – Юлита достала из сумочки газовый баллончик. – Поэтому я захватила вот это. Береженого бог бережет.

– Мать моя... Все журналистки такое носят?

– По крайней мере те, кому доводилось жить на Праге¹⁸. Ты бывал когда-нибудь после полуночи на Брестской?

– Нет.

– Тем лучше для тебя.

Официантка принесла кофе: крепкий, сваренный в турке, с ароматом кардамона. У нее были такие длинные ногти, что она никак не могла подцепить ложечку из плетеной корзинки: пальцы соскальзывали с металла, как металлические лапы в автомате для вылавливания плюшевых игрушек на морском курорте.

– Ну как... – Юлита положила в чашечку кусочек сахара, – готов?

– Можно и так сказать.

– Не возражаешь, если я запишу нашу беседу?

– Нет.

– Прекрасно, – Юлита положила на стол диктофон. – Тогда, может, начнем с самого начала?

– Ладно. – Леон сделал глубокий вдох. – В тот день я проспал, а мне надо было быть на работе вовремя, у меня была встреча в... Впрочем, неважно. Я въехал на S8 в сторону Таргувека...

Леон рассказывал, парни в черных толстовках пили кофе, официантка сидела за столиком в углу и складывала салфетки. Диктофон мигал красным, отмеряя ускользящее время.

¹⁷ Никифор Крыницкий (Епифаний Дровняк) (1895–1968) – польский художник-примитивист лемковского (украинского) происхождения.

¹⁸ Район Варшавы, имеющий криминальную славу.

– ...И тут Бучек стал сигналить и мигать фарами, чтобы я съехал, но мне некуда было съезжать, потому что рядом...

– Погоди, погоди, остановимся на секунду. Ты не видел, за ним кто-нибудь ехал?

– В смысле гнался?

– Ага.

– Нет.

– А может, он за кем-то следил? И взбесился, что ты ему дорогу преградил?

– Подожди, дай подумать. – Леон поднял взгляд вверх, на потрескавшийся потолок. – Нет, передо мной ведь никого не было. Съезд был пустой.

– Ну ладно. И что дальше?

– Бучек ускорился, почти что меня протаранил. Водитель автобуса притормозил, чтобы освободить мне место. Я уступил Бучеку дорогу... А он врезался в ограждение и вылетел с дороги. Вот и вся история.

– Вспомни самый последний момент. Не было ли чего-нибудь странного, подозрительного?

Леон поставил чашку на щербатое блюдечко.

– А с чего ты взяла, что могло быть что-то странное?

Юлита наклонилась, поставила локти на стол.

– Ты согласился со мной поговорить, только когда я предположила, что это была не простая авария. Значит, ты что-то заметил. Что-то, что не дает тебе покоя.

– Тебе просто нужна дешевая сенсация.

– Мне нужна правда. Если в комплекте с сенсацией, тем лучше.

Леон потер лицо, разглядывая дешманский пейзаж с Араратом. Юлита сидела, даже не моргая. Знала: именно сейчас решается, приведет ли ее куда-нибудь весь этот разговор. Она не хотела все испортить.

– Я видел его в зеркале. Он что-то кричал.

– Окей... Как это выглядело?

– Сначала мне показалось, что он на меня орет, ну, как водители обычно орут друг на друга. “С дороги, кретин!”, “В сторону, баран!”, вот это все.

– Ага.

– Но потом, уже после аварии, когда я смог спокойно все обдумать...

– Что?

Леон засомневался, помолчал. Парни в черных толстовках вышли из кафе, звякнул висевший над входной дверью колокольчик.

– Он... Он плакал.

Веслава Мачек приложила скальпель к нижнему краю грудины, провела острием вниз, в сторону пупка. Синяя кожа разошлась в стороны, словно куртка на молнии.

Пахнуло гнилостным смрадом и переваренным алкоголем. Стоящий рядом с секционным столом прокурор Цезарий Бобжицкий поморщился, откашлялся.

– Пан Чарек, может, перерыв? – из-за хирургической маски ее голос было не узнать.

– Нет, нет. Пожалуйста, продолжайте.

Веслава Мачек знала прокурора Бобжицкого добрых пятнадцать лет. Они познакомились как раз в прозекторской, вот только в ту пору в ней еще не сделали ремонт, а Бобжицкий был еще студентом. С тех времен он мало изменился: уже тогда носил двубортные пиджаки, кожаную папку под мышкой и очки в роговой оправе, уже тогда лысел и сутулился.

В молодости Бобжицкий плохо переносил вскрытие. Как только труп оказывался на столе, его тут же бросало в пот, лицо зеленело. Веслава Мачек была уверена, что парень сломается, сменит специальность, станет нотариусом или юрисконсультom. Но нет: Цезарий уперся.

Не пропустил ни одной аутопсии, стоял возле самого стола, записывал каждое ее слово. И привик. Годом позже защитил с отличием диплом, подал заявление и устроился на работу в прокуратуру варшавского района Прага-Север.

Веслава Мачек не спрашивала об обстоятельствах смерти покойного. Да и не нужно было. Слишком уж хорошо она знала этот тип: фиолетовый спортивный костюм, футболка, безрукавка, татуировки. И многочисленные колотые раны. Такие наносит кухонный нож в женской руке.

- Может, на сей раз напишу, что это сердечный приступ?
- Пани Веся...
- Вы же понимаете, что явно было за что?
- Пусть решит суд.
- Вижу, ваша вера в торжество справедливости не пошатнулась?

Прокурор Бобжицкий не ответил. Веслава Мачек сменила скальпель на планшет и карандаш, записывала: открытый желудок, вылилось содержимое желудка. Перерезана брюшная артерия, ободочная кишка, поджелудочная железа.

– А кстати, я собиралась вам рассказать, – вспомнила врач, не переставая писать. – Вернулись пробы с вскрытия Бучека, материал из-под ногтей.

– И?

– Фрагменты крашеной телячьей кожи, такую обычно используют для обивки. И волокна АБС.

– АБС?

– Какой-то пластик. Обождите, я где-то записала, – Веслава Мачек пролистала записи. – Сополимер акрилонитрил ботади... Нет, бута... бутадиен стирол. Техник говорил, что из этого отливают элементы приборной панели, руля и тому подобное.

- То есть... – Бобжицкий откашлялся. – Он исцарапал свою машину? До крови?
- Похоже на то.
- Интересно.
- И что вы с этим сделаете?
- Ничего. Следствие будет приостановлено.

Веслава Мачек положила планшет на столик, опрокинув пустую чашку из-под чая.

– Как это? Ведь очевидно, что...

– Пани Веслава, – Бобжицкий оборвал ее на полуслове. – Вы спрашивали, как там моя вера в торжество справедливости. Пусть это будет вам ответом.

Доктор медицинских наук Веслава Мачек долго смотрела прокурору в глаза. Наконец кивнула и вернулась к работе.

Юлита еще какое-то время поддерживала разговор (Леон на сто процентов уверен, что Бучек плакал? Да, на сто. Видел, чтобы тот с кем-то говорил по телефону? Нет, обе руки были на руле, но не исключено, что актер мог говорить по громкой связи), но чувствовала, что других открытий в тот вечер уже не случится. Наконец она дала знак официантке, чтобы та принесла счет. Официантка вернулась через минуту с заполненным от руки листочком, вложенным в корзинку с мятными конфетками.

– Плачу я, – Юлита достала кошелек. – Слушай, огромное тебе спасибо, и извини еще раз, что... ну ты понял. Я немного на тебя надавила.

- Немного?
- Ну ладно, не немного.
- Ага. И часто вы такое устраиваете?
- Что? Нет-нет, что ты.

– Забавно. Я готов поклясться, что у тебя большой опыт, – сказал Леон, повязывая шарф. – Ты была очень убедительна.

– Спасибо... Наверное. – Она улыбнулась и слегка покраснела. Ей шло. – Ребята из школы всегда говорили, что у меня талант втираться в доверие.

– Почему?

– Ну, типа, когда нужно было убедить продавщицу в магазине со спиртным, что нам уже восемнадцать, или заболтать учительницу так, чтобы она забыла об обещанной контрольной, то почему-то всегда это приходилось делать мне...

– А-а-а. Тогда я понял, почему тебя ко мне прислали.

– Я сама вызвалась. И вообще... Это другое. Сейчас мое дело было правое.

– Ну, это выяснится, когда ты выложишь свой текст. Сорри, но... Не очень-то я доверяю этим твоим “Меганьюсам”.

– И правильно делаешь. Дрянь страшная.

Леон удивленно заморгал.

– Ты что, думал, я этого не понимаю? Что мне кажется, будто это польский “Нью-Йорк таймс”?

– Тогда почему же ты там работаешь?

– А почему ты рисуешь этикетки для “ДиетПола”? – спросила Юлита, слегка наклонив голову. – Ты об этом мечтал, когда поступал в Академию изящных искусств?

– Туше.

– Я правда пытаюсь выяснить, что случилось с Бучеком. – Юлита придержала ему дверь, они вышли на улицу. – Я не собираюсь делать из этого очередную историю в стиле “Пыль сломала мне руку!”¹⁹. Ясно?

– Ага. Ясно.

– Ладно, мне пора. Спасибо еще раз. И обещаю, что не буду тебя больше доставать. Пока. Леон проводил ее взглядом. Смотрел, как она перебегает улицу на мигающий зеленый, вскакивает в трамвай, ищет мелочь на билет.

И надеялся, что свое слово она не сдержит.

Рышард Бучек сидит на диване. На нем льняная рубашка без воротника, светлые джинсы, босые стопы утопают в пушистом ковре. Рядом сидит его жена, Барбара, платье в горошек, волосы собраны в пучок. У нее на коленях лежит свернувшийся клубочком персидский кот. За окном весна: солнце, сочная листва, безоблачное небо. Юлита проверила дату. Май 2018-го. Последнее интервью Бучека перед смертью.

РАУТ: Ты доволен жизнью?

БУЧЕК: На все сто. Я ничего не стал бы менять, хотя, как и каждый из нас, я совершил кое-какие ошибки.

РАУТ: Жалеешь об этом?

БУЧЕК: Вообще нет. Я стараюсь смотреть вперед, не возвращаться в прошлое. Что было, то прошло. Нужно уметь принимать себя, принимать мир. Научиться прощать. Если у меня и есть враги, то я о них не знаю. И прощаю им, потому что во мне самом нет подобных негативных чувств. Это токсично. Плохая энергия возвращается.

РАУТ: Ты всегда был таким?

БУЧЕК: Конечно нет. К этому нужно прийти, но учась на своих ошибках. Ты не узнаешь, кто ты, глядя на чужую жизнь.

¹⁹ Реальный материал, опубликованный в польском желтом издании *Fakt* в 2010 году и ставший мемом польского интернета.

Юлита закатила глаза. Что за бред! Три страницы трепа, банальностей, тавтологии и эзотерики для бедных. В том, что они с подружками писали друг другу в дневники, в тетрадках с участниками бой-бэндов на обложке, и то было больше смысла. Кто все это читает?

Она спрятала лицо в ладонях, потеряла виски. Это было четырнадцатое прочитанное ею интервью с Бучеком. Единственное, что она из них узнала, так это то, что он предпочитает зеленый чай черному, любит кататься на горных лыжах и не разбирается в компьютерах, поэтому, когда знакомым что-то от него нужно, они пишут на электронную почту сына. Другими словами, она не узнала ничего.

– Юлита? – голос Мацкович вырвал ее из раздумий. Та стояла возле ее стола, скрестив руки. Браслет с серебряными подвесками поблескивал на уровне глаз Юлиты.

– Да?

– Зайдешь ко мне?

– Конечно.

Она пошла за начальницей. Мацкович пропустила ее в дверях, села за стол. Обычно она вольготно разваливалась в офисном кресле, забрасывала ноги на стол или на компьютер, но сейчас вытянулась в струну. Нехорошо.

– Я думала, мы договорились. Ты ведешь свое расследование, но в свободное от работы время. А здесь, в офисе, ты выдаешь тексты. А вчера ты вышла в три часа дня, написав один зеленый материал. Сегодня вообще ничего не выложила, а уже почти четыре часа.

– Я вот-вот закончу статью об актрисе из “Мятежников”. Она вчера явилась на вечеринку только в...

– Знаю. Наталия сделала фотогалерею. Час назад.

Мацкович вздохнула, оперлась на столешницу.

– Я надеюсь, ты понимаешь, что я хочу тебе сказать. Это предупреждение. Я бы не хотела, чтобы наш следующий разговор проходил в присутствии эйчаров.

Юлита почувствовала, как у нее скакнуло давление, а во рту пересохло.

– Конечно. Мне бы тоже этого не хотелось.

– Вот и прекрасно.

Юлита поднялась, но Мацкович усадила ее обратно следующим вопросом:

– Ты хоть что-нибудь нарыла?

– А?

– Ну, по делу Бучека. Выяснила что-нибудь?

Юлита поерзала на внезапно ставшем неудобным стуле.

– Мне удалось выйти на свидетеля. Помнишь, того парня с телевидения? Его зовут Леон Новинский.

– Он рассказал что-нибудь интересное?

– Ага. За секунду до аварии Бучек плакал. Вроде как у него были красные глаза, мокрые щеки.

– О? – Мацкович откинулась в кресле, положила ногу на ногу. Угроза миновала. – И что ты об этом думаешь?

– Мне кажется, это самоубийство. Мужик едет за сотню, плачет, даже не пытается свернуть... Я просмотрела все его интервью за последний год, искала хоть какую-нибудь зацепку, может, черная полоса, проблемы с ребенком или развод... Но ничего не нашла. Как будто прочитала подборку цитат из Пауло Коэльо.

– Тупик. – Мацкович почесала себя за ухом. – Он, скорее всего, даже не давал этих интервью.

– Как это? А кто же тогда?

– Его пиар-агентство. Ты этого не знала? Seriously? Может, ты еще думаешь, что там на фотографиях на самом деле его гостиная?

– А кот Барбары? Они его напрокат взяли?

– Кота вклеили в фотошопе. Если бы ждали, пока он заснет на коленях при вспышке, то фотосессия до сих пор бы не кончилась.

Мацкович взглянула на монитор, показывавший главную страницу “Меганьюсов”. Палитра цветов не внушала оптимизма. Много голубого, немного зеленого. Красных ссылок не было.

– Напиши об этом.

– О коте из фотошопа?

– Нет. Об откровениях твоего свидетеля.

Юлита долго молчала. Взвешивала каждое слово.

– Я не могу. Еще слишком рано. Мне надо позвонить семье Бучека, его друзьям, поспрашивать, что с ним в последнее время происходило...

– Это будет следующий текст. Но сначала материал о слезах.

– Но...

– Никаких но, – оборвала ее Мацкович. – Знаешь, когда похороны Бучека?

– Сегодня в три. Наталия говорила, что напишет отчет.

– Вот именно. Тема горячая, кликаться будет отлично. Жду статью до конца дня. Если не получу, отдам тему кому-нибудь другому. Может, Пётреку? Ты же сама говорила, что раз он занимался аварией, то дело нужно передать ему.

– Ты этого не сделаешь...

– На твоём месте я принялась бы за работу. Время пошло.

Леон Новинский принялся. Запах парафина, хризантем, горелого пластика. Он улыбнулся, вспомнив ежегодные поездки на Брудновское кладбище в День всех святых. Толпа в автобусе, пакеты со свечами, позвякивающими на поворотах. Потом попытки продрасться сквозь толпу бабулек в дубленках, воняющих нафталином, лотки с бубликами и сливочной помадкой, цыган, играющий на скрипке, в потертом чехле поблескивают медные монеты. Леон помогал матери нести тяжелую сумку: внутри теплая вода с моющим средством, два рулона бумажных полотенец, завернутые в фольгу бутерброды и термос с чаем, подслащенным вареньем. Случайные встречи с родственниками, которых он не знал, разговоры о предках, поиски спичек, которые всегда оказывались не в том кармане. Наконец, уставшие и замерзшие, но с чувством выполненного долга, они ехали домой, где их ждал горячий суп. Позже, когда Леон уже вырос и съехал, он редко появлялся на кладбище. Не чувствовал потребности, кладбище его угнетало. Конечно, делал исключения для похорон. Как сегодня.

Леон шел вдоль кирпичной стены на улице Святого Викентия. С другой стороны, перед гранитными мастерскими, красовались отполированные до блеска рекламные надгробия: из китайского гранита, турецкого мрамора и отечественного песчаника. Традиционные формы, с плачущими ангелочками и скорбным Иисусом, и современные: фотографии, выгравированные лазером на гладкой поверхности, золотые буквы. На любой кошелек и вкус.

У ворот уже собралась толпа. Черные пальто, грустные лица, шепот приветствий. Леон узнал некоторых из присутствующих: актеры, которых он видел в каком-то сериале, но не помнил, в каком именно, какие-то шишки с телевидения, известная певица. Среди скорбящих крутились фоторепортеры, где-то даже мелькнул оператор с камерой.

“А что я-то здесь делаю?” – подумал Леон, нервно теребя стебли лилий из букета. С Рышардом Бучеком его ничего не связывало, разве что он был последним человеком, видевшим его живым. И все же Леон чувствовал, что сегодня ему нужно быть здесь, нужно возложить цветы на могилу. Может, потому что его мучали иррациональные угрызения совести: тогда на съезде он обругал Бучека на чем свет стоит, думал, за рулем сидит какой-то мажор

и выпендривается на дороге. Может, потому что чувствовал: он что-то ему должен. А может, потому что те слезы не давали ему покоя.

В церкви было полно людей, и Леон встал у входа. Он держался сзади, нервничал по непонятной причине, словно кто-то мог в любой момент подойти и разоблачить его, выпроводить с вечеринки, на которую он явился без приглашения. Естественно, никто не обращал на него внимания, хотя он явно выделялся среди скорбящих из мира шоу-бизнеса: был хуже всех одет, никого не знал.

– Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, – раздался из громкоговорителей проникновенный голос священника. – Мы собрались здесь, чтобы попрощаться с нашим братом, Рышардом Бучеком, чья трагическая смерть наполнила грустью сердца его родных и многочисленных друзей...

Рядом с Леоном встал мужчина в сером плаще. Худой, коротко стриженный, тоннели в ушах и татуировка на шее, прикрытая воротником. Без букета или венка. Леон не знал его, но легонько кивнул. Мужчина не обратил на это внимания.

ПОХОРОНЫ РЫШАРДА БУЧЕКА

ОТЧЕТ С МЕСТА СОБЫТИЙ В MEGANEWS!

Нажми F5, чтобы обновить страницу.

14:30 Рышард Бучек, тот самый пан Миндаль, исполняющий заветные детские мечты, погиб три дня назад в ТРАГИЧЕСКОЙ АВАРИИ [СМОТРИ ФОТО]. Сегодня близкие прощаются с ним на Брудновском кладбище в Варшаве.

14:40 Барбара Липецкая-Бучек: “Я не могу передать тот шок. Еще утром мы вместе завтракали... Когда я услышала, что случилась авария, то подумала, наверняка здесь какая-то ошибка... Увы. Там действительно был Рысек”.

15:00 Началась траурная служба. На похороны прибыли актеры, с которыми Бучек работал во время съемок сериала “Набекрень”, а также его коллеги с телевидения.

15:10 Пользователи ВОЗМУЩЕНЫ постом актрисы Йовиты Краковской! Она хотела попрощаться с коллегой по съемочной площадке, но ОПОЗОРИЛАСЬ, выложив ЭТО фото. Неужели Краковской настолько не хватило деликатности? Взгляните сами [ССЫЛКА].

15:25 “Он дарил улыбки и детям, и взрослым, был лучиком счастья, озарявшим нашу серую повседневность”, – вспоминает отправлявший службу священник, отец Ярослав Клос. Жена актера явно растрогана.

15:27 Церковный алтарь прекрасно украшен [ФОТОГАЛЕРЕЯ].

15:32 “У него было невероятное чувство юмора, большое сердце. Он участвовал в многочисленных благотворительных акциях: в больницах, детских домах, приютах для матерей-одиночек”, – говорит Радослав Хохля, заместитель министра культуры и национального наследия.

15:38 “Такого мужа, как Рышард Бучек, можно пожелать каждой женщине. А каждому мужчине – такого друга. Каждому ребенку – такого отца”, – вспоминает супруга Барбара Липецкая-Бучек, ее голос дрожит.

15:45 Гроб с телом Рышарда Бучека выносят из костела. Траурная процессия выдвигается в сторону места захоронения.

Леон смотрел, как могильщики в черных костюмах и белых перчатках осторожно кладут гроб в электрокар. Он не смог удержаться от улыбки. Маленький электрокар с круглыми фарами совсем не подходил на роль катафалка: это как если бы службу отправлял ученик воскресной школы или на могилу вместо венков возложили бы миниатюрные кактусы в разноцветных горшочках. Процессия тронулась от костела Святого Викентия. Леону нравилось это здание. Небольшое, деревянное, без витражей – словом, скромное. Оно резко контрастировало с другими варшавскими храмами: либо оплывающие золотом барочные торты, либо угловатые и неуклюжие космодромы из бетона и стали.

Возглавивший шествие ксендз затянул псалом 130. Одни пытались подпевать, бормоча себе под нос знакомый, но давно забытый текст, другие даже не пытались: кто-то держал у уха телефон, кто-то курил.

Наконец пришли в нужное место: в коричневой земле зияла дыра. Могильщики ловко опустили гроб на веревках, Барбара Липецкая-Бучек бросила первую горсть земли на крышку. Потом в дело пошли лопаты, могилу накрыли каменной плитой. Присутствующие возложили венки, выразили соболезнования семье. Вскоре могила скрылась под грудой цветов. Погас огонек камеры, репортаж с места событий завершился, толпа начала редеть.

Леон положил свой букет одним из последних. Хотя он уже лет десять не был в церкви, машинально перекрестился. В репертуаре атеиста не было подобного жеста. Он двинулся в сторону аллеи, разбрасывая ногами мокрые листья и закопченные крышки от кладбищенских свечей, как вдруг заметил, что к могиле Бучека подошел тот самый мужчина с татуировкой, который стоял рядом с ним во время службы. С минуту он стоял неподвижно: голова опущена, руки в карманах. А потом плюнул.

– Эй! – крикнул Леон. – Эй ты! Ты что делаешь?!

Мужчина обернулся на его голос. Сжатые губы, нахмуренные брови, мокрые глаза. Повернулся на месте и пошел быстрым шагом.

– Эй ты! Стой!

Мужчина не реагировал. Леон побежал, расталкивая людей: семью с детьми, бабушку, несущую засохший букет на помойку, пожилого мужчину, драившего грязное надгробие щеткой. Поскользнувшись на скользкой от мыльной пены мраморной плите, Леон потерял равновесие и ухватился за дерево, чтобы не упасть. Когда он поднял голову, мужчины нигде не было. Он растворился в толпе.

“In my self-righteous suicide, I cry when angels deserve to DIE-E-E-E”²⁰! – надрывался в наушниках Серж Танкян. Юлита сидела за столом, глядя пустым взглядом в экран компьютера, ее пальцы зависли над клавиатурой. Рядом в ярко-красной кружке остывал кофе.

Динь! – сквозь гитарные риффы пробилось сообщение в мессенджере. Юлита взглянула в угол экрана. Облачко, как в комиксах, говорило о том, что кто-то хочет начать переписку в чате. Тяжелый вздох, два клика, открылось новое окно.

>[15:50:23] Пётр. Мясек: Все в порядке?

Юлита взглянула в сторону Пётрека. Он помахал ей, улыбнулся, хоть и немного смущенно. После их совместного похода на премьеру, того самого бесславного “свидания”, они не общались. Точнее бросали друг другу “привет” и “пока”, но больше не ходили вместе на перекур, не отправляли друг другу забавные ссылки и не корчили друг другу рожи на совещаниях. Круг взаимных обид замкнулся: он обиделся, потому что она оставила его в кино одного,

²⁰ “В моем самоуверенном самоубийстве я плачу, когда ангелы заслуживают смерти” (англ.).

а она – потому что он не принял ее извинений, поэтому теперь она с ним не заговаривала, а он дулся, что лишь усиливало ее обиду и т. д. и т. п.

>[15:50:56] Юлита. Вуйчицкая: Нет.

>[15:51:02] Пётр. Мясек: Ого;(Что случилось?!

>[15:51:10] Юлита. Вуйчицкая: Мацкович вызвала меня на ковер. И сидела с прямой спиной.

>[15:51:11] Пётр. Мясек: Ууу, плохо.

>[15:51:15] Юлита. Вуйчицкая: Типа того.

>[15:51:18] Пётр. Мясек: А потом что?

Юлита засомневалась. Но Пётреку она доверяла. Знала, что с ним можно говорить начистоту.

>[15:51:34] Юлита. Вуйчицкая: Вошла в образ холодной стервы и меня отымела.

>[15:51:47] Пётр. Мясек: Оо!

>[15:51:48] Пётр. Мясек: Но за что? Ты же больше всех кликов выдаешь!

>[15:52:10] Юлита. Вуйчицкая: Угу. Но вчера я выложила всего один текст, а сегодня ни одного.

>[15:52:16] Пётр. Мясек: Ааа, Бучеком занималась?

>[15:52:45] Юлита. Вуйчицкая: Ага. Она велела опубликовать то, что мне удалось найти.

>[15:52:51] Юлита. Вуйчицкая: Свидетель рассказал, что Бучек перед аварией плакал.

Пётрек взглянул в ее сторону, сделал большие глаза и раскрыл рот в немом крике. Юлита хихикнула.

>[15:53:14] Пётр. Мясек: ООООО Охренеть! То есть самоубийство?

>[15:53:30] Юлита. Вуйчицкая: Так мне кажется.

>[15:53:44] Юлита. Вуйчицкая: Да прекрасно, я и сама хочу об этом написать...

>[15:53:54] Юлита. Вуйчицкая: Но блин, не сейчас! Если я сегодня выложу этот текст в сеть, НИКТО из его семьи и родственников не станет со мной разговаривать! И я окажусь в полной заднице.

>[15:54:04] Пётр. Мясек: А может, снова что-нибудь выкинешь и вломишься к кому-нибудь в машину ^-^

Юлита нахмурилась, пальцы забегали по клавиатуре.

>[15:54:14] Юлита. Вуйчицкая: Вижу, слухи ползут быстро...

>[15:54:33] Пётр. Мясек: Нечего было рассказывать Наталии, хе-хе

>[15:54:45] Пётр. Мясек: А если серьезно, то поздравляю. У тебя стальные яйца, не то что у меня:) Это вообще законно?

>[15:55:01] Юлита. Вуйчицкая: Нууу... Не особо. К счастью, тому, кто работает в такой клоаке, как Меганьюсы, волноваться за свою репутацию не приходится-D

>[15:55:03] Пётр. Мясек: Аминь.

>[15:55:14] Пётр. Мясек: И... Что будешь делать?

>[15:55:49] Юлита. Вуйчицкая: Да у меня и выбора особо нет. Мацкович сказала, что, если я не сдам текст до конца дня, она заберет у меня тему. Ну и угрожала мне встречей с кадрами. Явно не про премию:)

>[15:56:00] Пётр. Мясек: Серьезно? Не хило...

>[15:56:33] Юлита. Вуйчицкая: Ага, не хило. Вообще я в ней сильно разочаровалась. Я, конечно, знала, что она тетка специфическая, мне про нее всякое рассказывали.

Юлита оглянулась и убедилась, что никто не заглядывает ей через плечо. Естественно, всем было все равно, с кем она переписывается, каждый занимался своими делами.

>[15:56:44] Юлита. Вуйчицкая: Но я надеялась, что она станет для меня наставником, типа, ей важна я сама, мое развитие, а не только эти чертовы просмотры, как Адаму.

>[15:56:59] Юлита. Вуйчицкая: Но как видишь, в итоге она оказалась обычной корпоративной сукой.

>[15:57:09] Пётр. Мясек: Вот черт, мне очень жаль:///

>[15:57:15] Юлита Вуйчицкая: Да ладно, все нормально, все живы. Если хочешь посочувствовать журналисту, найди кого-нибудь из России;)

>[15:57:29] Юлита Вуйчицкая: Спасибо за поддержку, Пётрек. Ты милый:*

Ой, нехорошо, опомнилась она, спешно печатая опровержение.

>[15:57:39] Юлита. Вуйчицкая: Если что – это было чисто по-дружески!!!:D

>[15:57:40] Пётр. Мясек::-D

>[15:57:54] Юлита. Вуйчицкая: Ладно, мне пора. Если я не выложу текста о Бучеке через полтора часа, то завтра могу не приходиться:)

>[15:58:04] Пётр. Мясек: Конечно, я понимаю. Держись – и удачи!

>[15:58:05] Пётр. Мясек: <3 <3 <3

Юлита послала ему воздушный поцелуй и принялась за работу. Поныла Пётреку – и писать стало легче.

БУЧЕК ПЛАКАЛ ПЕРЕД СМЕРТЬЮ!

Сенсация! По словам свидетеля, Рышард Бучек († 53 г.) в момент АВАРИИ плакал!

Что довело его до слез?

ЧИТАЙТЕ ТОЛЬКО У НАС!!!

Юлита Вуйчицкая

Несколько дней назад Рышард Бучек († 53 г.) погиб в УЖАСНОМ ДТП: автомобиль, за рулем которого он сидел, проломил ограждение и упал с большой высоты, РАЗБИВШИСЬ ОБ АСФАЛЬТ [ВНИМАНИЕ! ШОКИРУЮЩИЕ ФОТОГРАФИИ]. По словам нашего свидетеля, в момент смерти Рышард Бучек ОБЛИВАЛСЯ СЛЕЗАМИ И КРИЧАЛ. Что могло довести популярного актера до такого состояния?

По сообщениям полиции, Бучек потерял контроль над автомобилем из-за чрезмерного превышения скорости. Однако в свете последних известий мы должны задаться вопросом: А НЕ САМОУБИЙСТВО ЛИ ЭТО? Наш свидетель утверждает, что Бучек ДАЖЕ НЕ ПЫТАЛСЯ СВЕРНУТЬ. Неужели известный актер решил СВЕСТИ СЧЕТЫ с жизнью?

На страницах глянцевого журнала Бучек кажется человеком счастливым и успешным. Может, это не вся правда? Возможно, дорогой пан Миндаль скрывал от нас свою печаль? Журналистское расследование продолжается! Если у вас есть информация, которая может нам помочь, обязательно пишите на: info@meganewsy.pl!

Прокурор Цезарий Бобжицкий выписывал журналы “Тыгодник Повшехны” и “Книги”, в спокойные выходные открывал *Liberté!*, а в путешествие брал свежий номер журнала “Пшекруй”; читать его он начинал с абсурдных рифмованных стихов на последней странице. Интернетом прокурор пользовался для трех вещей: переписки, проверки расписания поездов и дискуссий на форуме о сквоше, где он был единственным участником, пишущим под своим настоящим именем и фамилией, а не псевдонимом. Он всегда правильно ставил запятые и никогда не матерился. В ответ на вопрос, кто ваш любимый общественный деятель, наверняка назвал бы Гжегожа Турнау²¹ или ксендза Бонецкого²². На вопрос, кто ваша любимая знаменитость, презрительно наморщил бы нос.

В общем, прокурор Цезарий Бобжицкий явно не относился к целевой аудитории портала *Meganewsy.pl*. Однако статью Юлиты Вуйчицкой он прочел с большим интересом. А затем распечатал ее, вложил листок в картонную папку, после чего спрятал папку в нижний ящик письменного стола.

²¹ Гжегож Турнау (1967) – польский композитор и пианист, исполнитель бардовской песни.

²² Адам Эдвард Фредро-Бонецкий (1934) – священник, публицист и бывший главный редактор общественно-политического журнала *Tygodnik Powszechny*.

4

от: Илона Венцковская ilona.wieckowska@poczta.onet.pl
кому: info@meganewsy.pl
дата: 19 октября 2018 11:12
тема: Возмущена

Уважаемые господа!

Пишу с вопросом к автору текста “Бучек плакал перед смертью”: вы утратили рассудок и не ведаете, что творите? Или вы настолько низко пали, что вам все равно? Вы понимаете, что чувствует человек, потеряв кого-то близкого? Вы понимаете, как это больно? Судя по всему, нет, потому что не успели погаснуть свечи на могиле пана Рышарда, как вы уже устроили из этого цирк! Вы подумали, каково будет его жене, когда она услышит о ваших “открытиях”? Или его сыну? Вам кажется, раз человек знаменит, то он не имеет права на личную жизнь и спокойствие? На достойный траур?

Ваша “статья” – это не журналистика. Это попытка заработать на чужом несчастье и обычная подлость. Советую вам взглянуть в зеркало и задать себе вопрос: как бы вы себя чувствовали, если бы так обошлись с вами? Если бы в самый тяжелый, самый черный момент вашей жизни кто-то бередил ваши раны ради нескольких серебреников?

Желаю вам никогда этого не узнать.

С уважением,

Илона Венцковская

Юлита понятия не имела, кто такая Илона Венцковская. Судя по стилю, учительница на пенсии или чиновница среднего звена. Она представила ее себе в маленькой квартирке: мебельная стенка, заставленная книжками и фарфоровыми безделушками, хрустальная ваза с искусственными цветами, на стене репродукция Хелмонского²³ и календарь с фотографией улыбающегося внука. Она сидит за столом и стучит по клавиатуре, как тот, кто много лет пользовался пишущей машинкой: двумя пальцами, слишком сильно ударяя по клавишам. Рядом, на диване, спит старый кот, а за окном звенят трамваи.

Юлите уже доводилось получать подобные письма. Обычно они были написаны корявым языком, бездарные, пошлые. Их было легко высмеять: поиздеваться над формой, проигнорировать содержание. Но с письмом от Илоны Венцковской все было иначе. Оно было искреннее и мудрое. Задело Юлиту за живое. Она почувствовала, что ей необходимо ответить, как-то объясниться. Что не она решает, каким языком написан текст, что не от нее зависит, когда его выложат в Сеть. Что она предпочла бы вести это дело иначе, спокойнее, не орать постоянно восклицательными знаками. Но у нее нет выбора. Еще Юлите захотелось спросить: раз вас так возмущает бульварная журналистика, то как вы вообще оказались на сайте “Меганьюсов”? Случайно? Или все же любите иногда почитать сплетни? А может, просто хотелось повозмущаться? В итоге Юлита не стала ничего писать. Отчасти потому, что аргументы, которые она могла бы привести в свою защиту, не убеждали даже ее саму. А отчасти потому, что в почтовом ящике *info@meganewsy.pl* было еще триста пятнадцать непрочитанных сообщений, а на часах было почти одиннадцать.

²³ Юзеф Мариан Хелмонский (1849–1914) – польский живописец, ведущий представитель польского реализма.

Как и предсказывала Мацкович, статья о Бучеке выстрелила. Пользователи читали, комментировали, голосовали, нажимая стрелку вниз или вверх, а главное – кликали, раскаляя тепловую карту портала до красноты. Многие ответили на призыв слать письма редакции. Большинство писем содержало, ясное дело, оскорбления, пестрящие орфографическими ошибками сексуальные предложения или сообщения о других, гораздо более важных скандалах, учиненных, как правило, масонами, евреями, коммунистами или всеми ими вместе взятыми. Отдельные письма, как, например, письмо от Илоны Венцковской, пылали возмущением и праведным гневом. Те же, что обещали информацию на тему Рышарда Бучека, попадались редко и не представляли особого интереса, как, например, сообщение от некоего Матеуша Кота.

от: Матеуш Кот thebesciak0003@wp.pl
кому: info@meganewsy.pl
дата: 19 октября 2018 09:12
тема: Рышард Бучек – информация

Добрый день!

Я располагаю информацией на тему Рышарда Бучека. В прошлом году в городе Мендзыздрое я видел его в баре на пешеходной улице. Он выпил два пива и заказал третье. По мне так алкоголик. У меня есть фотография в телефоне. Если заплатите тысячу злотых, вышлю ее вам.

Матеуш Кот

Юлита вздохнула: Рышард Бучек год назад пил пиво, обалдеть, вот это материал, ну всё, авария предстала в новом свете, уже высылаем деньги. Кретин. Подперев голову рукой, уставшая и нервная, Юлита кликнула на “следующее сообщение”. Вполглаза прочитала тему письма. И вдруг резко выпрямилась, чуть не опрокинув чашку с кофе.

от: Анна Ковальская anna.m.k.kowalska87@gmail.com
кому: info@meganewsy.pl
дата: 19 октября 2018 08:12
тема: Я была любовницей Бучека

Пережду сразу к делу. Я была любовницей Рышарда Бучека. Мы познакомились пять лет назад в звукозаписывающей студии, где я работала звукорежиссером над дубляжом фильма “Вомбат-акробат”. Бучек озвучивал одного из персонажей. Он был веселый, между нами сразу проскочила искра. После работы он пригласил меня на ужин. Об остальном можете догадаться сами.

За день до катастрофы жена Рышарда узнала о нашей связи. Вроде кто-то видел нас вместе в городе и рассказал Барбаре, а Рышард во всем признался. Барбара была в ярости, грозила подать на развод. Рышард говорил, что у них такой брачный контракт, что он останется без гроша. Он впал в отчаяние. Мы должны были встретиться на следующий день и обсудить, как быть дальше, но утром Рышард прислал СМС, что он отменяет встречу, и перестал отвечать на звонки. Чуть позже произошла авария. Трудно поверить, что это случайность. На мой взгляд, Рышард действительно совершил самоубийство.

В приложении высылаю файл с материалами, которые подтверждают мою историю, – наши общие фотографии, эсэмэски и все такое. Прошу с ними ознакомиться. Жду вашего ответа.

Всего доброго,
Анна Ковальская

“Ничего себе...” – прошептала Юлита, поспешно кликая вложение, файл под названием “*dowod.kowalska.doc*”. Курсор превратился в кружочек, появилось окно с полоской загрузки, которая в черепашьем темпе двигалась слева направо... Вдруг полоска замерла, а на экране выскочило сообщение об ошибке.

Файл поврежден и не может быть прочитан.

– Нет, нет, нет... – прошептала Юлита и кликнула еще раз. То же самое. – Черт... Черт, черт...

Юлита вскочила и помчалась в комнату айтишников. Их в “Меганьюсах” было двое: Сташек и Олек. Сташек был низкий, полный, с ежиком на голове. В жизни его интересовали две вещи: компьютеры и футбол, а точнее, варшавская “Легия”. Он носил толстовки “Легии”, футболки “Легии”, носки “Легии” и штаны “Легии”, не говоря уже о шарфике. Подозрения Юлиты, что трусы Сташека тоже украшает гордая буква “Л”, вписанная в круг, подтвердились, когда однажды он сидел в позе сантехника у ее стола, чтобы поправить какие-то кабели. А поскольку Юлита не была ни компьютером, ни тем более футбольной командой, их отношения складывались не лучшим образом. Олек же выглядел как настоящий австралийский серфер: спутанные светлые локоны, расстегнутая льняная рубашка, обнажающая загорелую грудь, деревянные бусы и спортивные часы. Именно его Юлита обычно просила о помощи. Пожалуй, чаще, чем того требовал ее компьютер.

Увы, в комнате находился только Сташек, он как раз смотрел повтор вчерашнего матча, поглощая бутерброд с колбасой. Услышав, что у Юлиты срочное-пресрочное дело, он остановил запись, тщательно завернул недоеденный бутерброд в пленку, смахнул крошки со стола, вытер губы и заблокировал клавиатуру. Потом встал, потянулся и пошел за Юлитой, скрипя подошвами кроссовок.

– Ну? – сказал он, когда они уже стояли у компьютера.

– Смотри, я получила такой файл. Кликаю... И – о, выскакивает такое окошко.

– Ага. Ну и?

– Ну и почему я не могу его открыть?

– Тут же написано, – Сташек показал пальцем на окошко. – Файл поврежден.

Юлита мысленно досчитала до десяти, после чего спросила, хлопая ресницами:

– А ты можешь его починить?

Сташек наклонился над столом, распространяя вокруг себя аромат, явно свидетельствующий о том, что он принимал за чистую монету рекламные уверения в сорокавосемичасовом действии дезодорантов. Кликнул несколько раз мышкой, открыл какие-то странные окна, вписал команды, из которых она ничего не поняла, что-то вставил, что-то удалил.

– Нет, – сказал он наконец, – не получается.

– Ну и что мне делать?

– Напиши, чтобы прислали файл еще раз, только, например, в другом формате. Или выложи в облако.

– В облако? Какое еще облако?

Сташек послал ей взгляд, полный такого презрения, что Юлита вся сжалась внутри.

– Просто напиши, что я сказал, – изрек он и пошел к себе.

Юлита отчаянно пыталась придумать какой-нибудь колкий ответ, который позволит ей одержать в этом споре верх, но в голову ничего не приходило. Признав свое поражение, она села за компьютер и поступила как советовал Сташек: написала Анне Ковальской письмо с просьбой выслать файл еще раз. Обрадовалась, получив ответ буквально через секунду. Но радость была недолгой.

от: Mail Delivery Subsystem <mailer-daemon@googlemail.com>

кому: info@meganewsy.pl

дата: 19 октября 2018 11:29

тема: Re: Re: Я была любовницей Бучека (письмо не доставлено)
Адресат не найден.

Сообщение не было доставлено, так как адресат не найден
(anna.m.k.kowalska87@gmail.com) или не может получить сообщение.

Diagnostic-Code: smtp; 550-5.1.1 The email account that you tried to reach does not exist.

“Герцогиня Кейт посетила сиротский приют. Трогательные фотографии!”, “Анна Левандовская выложила фотографию БЕЗ ШТАНОВ!”, “Ты не поверишь, сколько стоит новое пальто Кендалл Дженнер!!!” – Юлита побила собственный рекорд, опубликовав три текста за неполный час. Да, коротких, да, глупых и с кучей опечаток, но это было не важно: тексты кликались и зеленели. Благодаря им она выполнила дневную норму и могла вернуться к делу Бучека.

По запросу “Анна Ковальская” Google выдал примерно двести тысяч результатов. Но, сузив запрос до “Анна Ковальская, звукорежиссер”, она получила уже только тридцать результатов, в основном зарплатные ведомости с различных съемок. Но в них Анна Ковальская фигурировала как костюмер, причем это были фильмы двадцатилетней давности, что никак не соответствовало году рождения в аккаунте, с которого было отправлено письмо, – должно быть, речь шла о ком-то другом. Юлита попыталась зайти с другой стороны и поискала информацию на тему упомянутого в письме фильма “Вомбат-акробат”. Польскую озвучку подготовила студия “Десятая муза”, закрывшаяся два года назад. Их сайт уже не работал, телефоны не отвечали. Юлита пролистала статьи о Бучеке за последние несколько лет – может, где-то упоминалось о любовнице, может, на какой-нибудь фотографии его запечатлели в обществе молодой девушки? Нет, еще один тупик, на красном диване он сидит исключительно с женой: оба улыбаются, оба ухожены, оба безупречно одеты.

Что это вообще было? Как такое возможно, что аккаунт, с которого она вчера получила письмо, сегодня уже не существует? Сташек не горел желанием помочь. Только пробубнил, что, может, какая-то проблема с конфигурацией сервера (это ей абсолютно ни о чем не говорило), а может, аккаунт за это время удалили. Но зачем это понадобилось таинственной Анне Ковальской? За это время она решила, что не стоит связываться с “Меганьюсами”? Решила затереть следы, отморозиться? Маловероятно. К чему столько драматизма, если можно просто не отвечать на их письма! А может, ее вынудили, хотели таким образом заставить замолчать?

С одной стороны, Юлита злилась: она потратила почти два часа на поиски в Сети, но так ничего и не нашла, просто билась головой об стену. С другой – она пришла в возбуждение, чувствовала, что действительно нашла след какой-то аферы, что ей не померещилось. Она знала: это ее шанс написать Статью с большой буквы, текст, который станет для нее пропуском в Серьезную Газету. Упускать такую возможность было нельзя, нельзя, и все тут.

Юлита составила список людей, которые могли что-то знать о Ковальской: семья Бучека, друзья, актеры сериалов, в которых он играл, сотрудники телевидения, снимавшие вместе с ним “Воздушные замки”. Кое-чьи телефоны были доступны в интернете – на профилях в Facebook, LinkedIn, Twitter. Остальные Юлита раздобыла через знакомых: журналистов “желтых” изданий, блогеров, звезд не первой величины. Примерно сто фамилий.

Она уже надевала куртку, чтобы выйти из офиса и позвонить, когда ее выцепил замначальника.

– Куда идешь?

– Покурить, – ответила Юлита, кутаясь в шарф. После последнего разговора с Мацкович она решила: чем меньше она будет рассказывать о своем маленьком расследовании, тем лучше.

– Ага. Ты не против, если я составлю тебе компанию?

– А ты куришь?

– Только пассивно.

Юлита подняла бровь. Замначальника и шуточки? Что-то здесь не так.

– Ладно. Буду дышать в твою сторону.

– Ха-ха! – Адам засмеялся, как андроид, который отчаянно пытается убедить всех вокруг, что он тоже человек из плоти и крови. Ага, конечно. – Тогда пойдем.

Они вместе двинулись в сторону выхода, Адам, галантно поклонившись, пропустил Юлиту в дверях. Их голоса, несшиеся по лестнице, искажало эхо, заглушал стук каблучков. Компьютер Юлиты был все еще включен и тихо гудел. Казалось, ничего не происходило. И вдруг курсор на экране дернулся, хотя мышку никто не трогал. Белая стрелочка сдвинулась на один-два миллиметра вправо, после чего снова застыла без движения.

Темнело, моросил дождь. На той стороне улицы парень в элегантном плаще, наброшенном поверх спортивного костюма, выгуливал толстого лабрадора и параллельно с кем-то оживленно беседовал по телефону. Пес обнюхивал краешек пожухлого газона, не обращая внимания на то, что проезжающие мимо машины окатывали его водой. Наконец, явно удовлетворившись результатами обследования, он выгнул спину горкой и устремил полный меланхолии взгляд куда-то вдаль, быть может, вспоминая времена беспечного щенчества. Хозяин упорно тянул собаку за поводок, по-видимому, куда-то спешил и у него не было времени на долгие остановки. Юлита отвернулась, медленно выпустила струйку дыма. Чем дольше она жила в Варшаве, тем меньше любила варшавян.

– Так о чем ты хочешь поговорить? – спросила она, стряхивая пепел с сигареты.

– Ты, наверное, уже слышала, что я ухожу из “Меганьюсов”, – ответил Адам. В куртке для трекинга и флисовой шапочке он выглядел так, словно собрался на Шпицберген.

– Ходят такие сплетни, ага.

– А в сплетнях говорится куда?

– На Северный полюс?

– Что, прости?

– Неважно, – Юлита вдавила окурок в пепельницу. – Продолжай.

– Ну так вот... Я открываю новый портал. Это будет нечто абсолютно новое, качество другого уровня.

– М-м-м-м. А в каком смысле?

Лабрадор сделал свое дело и, довольный собой, начал раскапывать и без того уже истерзаный газон. Его хозяин достал пакетик, присел на корточки, но, оценив масштаб бедствия, сдался. Он огляделся по сторонам, не смотрит ли кто, после чего спрятал пакетик в карман и потянул за собой пса, спешно ретируясь с места преступления.

– О чем пишешь для “Меганьюсов”, Юлита?

– Честно? – Она затаилась. – О всякой херне.

– Хм, ну да. – Адам смеялся. – Можно и так сказать. Но в целом ты пишешь о том, о чем люди хотят читать, правда?

– Все верно.

– А откуда ты знаешь, о чем они хотят читать?

Чувствуя, что разговор предстоит долгий, а судя по всему, еще и этико-философского характера, Юлита вытащила из пачки еще одну сигарету. Несколько раз прокрутила большим пальцем мокрое колечко зажигалки и наконец высекла огонь.

– Я проверяю, что выкладывают другие порталы, что пишут в газетах. Что происходит в соцсетях. А потом смотрю, что кликается. Если тема горячая, то я ее развиваю, а если нет – ищу следующую.

– Именно. Так работают “Меганьюсы” и все подобные порталы в Польше. И это вполне рабочая схема... Но можно действовать эффективнее. И быть на шаг впереди конкурентов.

– Да? И как же?

– Вместо того чтобы догадываться, о чем люди хотят читать, можно их просто выслушать. Достаточно простого алгоритма, который проверяет, какие темы лидируют в “Твиттере”

и что люди в конкретный момент вбивают в браузер. Вопрос “где купить прилипалы?” сегодня задали пятнадцать тысяч раз? Значит, делаем карту магазинов с информацией, где они еще остались. Набирает популярность хэштег *BlackFriday*? Значит, мы быстро даем статью, откуда взялась эта традиция и где будут самые большие скидки. Причем все в режиме реального времени, с рукой на пульсе, с опорой на данные за последний час.

Юлита снова затянулась. Хотя нарисованная Адамом картинка разбудила в ней крепко спящую луддитку²⁴, она ответила так, как он ожидал.

– Вау, звучит круто.

– Правда? Тогда к делу. Ты бы хотела мне помочь?

– Ого, даже не знаю... – Юлита поправила съехавшую шапку. – То есть спасибо, конечно, за предложение, но... А что именно мне пришлось бы делать?

– Заголовки. Это главное в тексте, именно они решают, кликнет пользователь или нет. Сам текст, понятно, тоже должен быть, но мы оба знаем, что это второстепенно. А у тебя отличный нюх. Как привлечь внимание, взбесить, заинтриговать и всякое такое. И деньги за это будут немалые.

На кусок газона, где недавно останавливался лабрадор, въехал фургон доставки, сминая траву и смешивая ее с грязью. Водитель включил аварийку, чья волшебная сила, как известно, отменяет правила дорожного движения, и побежал с посылкой в здание.

– Я подумаю об этом, ладно? – наконец ответила Юлита. – Звучит, правда, здорово, но мне нужно еще подумать.

– Понимаю... Только не слишком долго, потому что я хочу стартовать в следующем месяце. Так что, идем обратно?

– Иди. Мне надо еще позвонить.

Леон Новинский лежал в траве и не шевелился. Он ждал, пока противник подойдет поближе. В магазине автомата М16А4 оставалось всего два патрона, поэтому права на ошибку у него не было. Он прицелился в голову мужчины, не подозревавшего об опасности. Сто пятьдесят метров. Сто метров. Пятьдесят метров. Ветерок легкий, повлиять на траекторию полета пули вроде не должен. Леон задержал дыхание, приготовился к выстрелу.

И вдруг услышал рычание мотора. Обернулся. Из-за деревьев выскочил внедорожник, разбрызгивая вокруг себя грязь. Он ехал прямо на него.

– *Fuck, fuck, fuck*, – бормотал Леон, вскакивая на ноги. Он побежал в сторону дома на холме. Дом был далеко, но выбора у Леона не было: это был его единственный шанс на спасение, единственное место, где он мог спрятаться от разъяренного джипа. Он бежал зигзагами, стараясь уйти от преследователей. Сердце стучало в ушах, откуда-то издали доносился пулеметный стрекот: тра-та-та. Добежал до двери, вбежал внутрь... И упал ничком, получив очередь в спину. Только сейчас он заметил, что у входа его поджидал стрелок: на нем был пуленепробиваемый жилет и мотоциклетный шлем, закрывающий лицо.

– Кемпер хренов²⁵, – буркнул Леон, глотнув выдохшейся кока-колы.

Экран погас, сверху появилась надпись “В следующий раз повезет больше, L3ffL30n!”, а чуть ниже таблица с рейтингом: он занял тридцать пятое место из девяноста двух игроков и получил в награду шестьдесят монет. Парень в мотоциклетном шлеме забрал себе его автомат, после чего вернулся в засаду. Выйти наружу он не мог: джип кружил вокруг дома в поисках жертвы.

²⁴ Луддиты – участники стихийных рабочих протестов в Великобритании начала XIX века, бастовавшие против внедрения машин в производство из опасения, что машины вытеснят людей.

²⁵ В компьютерных играх игрок, сидящий на одном месте, чтобы убить как можно больше противников. К кемперам относятся неодобрительно, а многие даже считают такой стиль игры жульничеством.

Леон выключил игру. Она называлась *Player-Unknown's Battlegrounds* и была максимально простая и максимально затягивающая: сто игроков прыгают с парашютом на безлюдный остров, ищут оружие, автомобили, снаряжение. Пытаются убить друг друга, выигрывает тот, кто останется в живых последним. Почти как «Голодные игры», только без наивной политики и слезливого романтического сюжета.

Теперь компьютер показывал страницу поисковика с фотографиями с похорон Рышарда Бучека. Леон вздохнул и продолжил разглядывать фотографии, изредка отвлекаясь на пробежку по кустам с автоматом. Всего он нашел шесть фотогалерей, просмотрел уже пять – и нигде не мог найти того типа с тоннелями в ушах. Последняя надежда.

Клик. Улыбающийся Бучек с черной ленточкой. Клик. Интерьер костела, женщина, утирающая слезы. Клик. Венки у алтаря. Клик. Вынос гроба. Клик. Траурная процессия возле костела. Леон задержался на этих снимках, поправил очки. Если чувак где-то и будет, то здесь...

– Есть! – Леон победно поднял кулак. И правда, в самом углу фотографии можно было заметить того самого мужчину, наполовину спрятавшегося за дерево. Это он плюнул на могилу Бучека. Кадр и не идеальный, четкость тоже не фонтан, но даже по такой фотографии его можно было узнать. Леон скопировал снимок, обвел парня красным.

Открыл почту, создал новое письмо. Прикрепил фотографию, вставил найденный в Сети адрес Юлиты, написал первую фразу. Прочитал ее и недовольно скривился. Слишком формально, ведь они уже перешли на «ты». Попробовал еще раз, более раскованно. Вышло опять по-идиотски: ну кто сегодня начинает письма со слова «Приветик»? Он все удалил, начал сначала. Застучали клавиши, Леон бормотал себе под нос.

– Привет... На всякий случай напоминаю о себе... Ты обещала, что исчезнешь... Но я ничего такого не обещал, поэтому... Отправляю тебе фотографию, может, для чего-нибудь пригодится... Удачи с расследованием...

Леон откинулся на стуле, перечитал письмо. Он пытался убедить себя, что делает это из чувства гражданского долга. Если Рышард Бучек умер не в результате обычной дорожной аварии, как решила прокуратура, то простое человеческое достоинство велело ему помочь Юлите установить истинный ход событий. Но правда была гораздо прозаичнее. Если бы расследованием занимался пятидесятилетний мужик с залысиной, моральный императив Леона наверняка бы ослаб.

Он нажал «отправить» и побрел на кухню заварить себе чаю. Когда он заливал пакетик кипятком, в кармане завибрировал телефон. Леон второпях поставил чайник на стол, расплескивая кипятком, разблокировал экран. Новое письмо.

от: Юлита Вуйчицкая julita.wojcicka@meganewsy.pl

кому: Леон Новинский l.nowinski@yahoo.com

дата: 19 октября 2018 17:03

тема: [ООО] Вне офиса Re: Может, тебе пригодится

Благодарю за сообщение. До 16.11.2018 я нахожусь в отпуске, обязательно отвечу вам по возвращении.

Юлита Вуйчицкая

Странно, подумал он, кладя в чай еще одну ложку сахара, словно надеясь подсластить горечь разочарования. А казалось, она по-настоящему горит этим делом.

Юлита сделала несколько десятков телефонных звонков. Большинство номеров были заняты или не отвечали. Все-таки ответившие поделились на две группы: те, кто заканчивал разговор, стоило ей представиться, и те, кто успевал ее оскорбить, перед тем как положить трубку. Она слышала, что она гиена, крыса, дрянь, что она гнилая внутри и никто с ней разго-

варивать не станет. Поэтому, набрав номер Алины Томкович, продюсера “Воздушных замков” на TVP, Юлита уже ни на что особо не рассчитывала. Бип-бип. Бип-бип. Бип-бип. Бип-бип.

– Аллю? – на том конце провода прозвучал женский голос. Мягкий, приятный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.